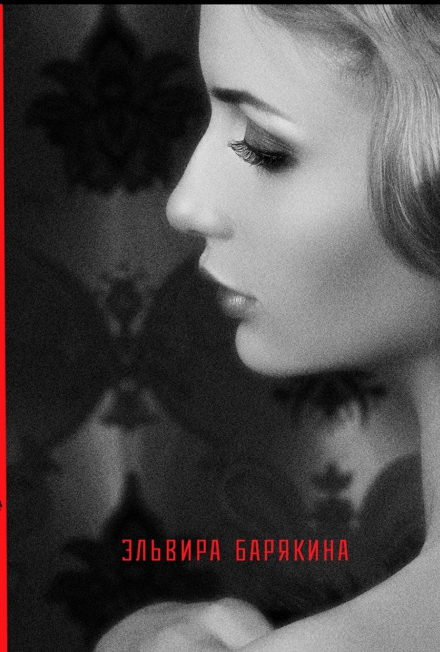

КНЯЗЬ СОВЕТСКИЙ

ЭЛЬВИРА БАРЯКИНА

18+

Эльвира Валерьевна Барякина

Князь советский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40254237

SelfPub; 2019

Аннотация

Пытаясь найти пропавшую жену, белогвардейский эмигрант Клим Рогов тайком возвращается в СССР и неожиданно для себя становится “американским журналистом”. Это открывает для него бесчисленные возможности... в том числе и возможность быть арестованным по делу, сфабрикованному ОГПУ.

Содержание

Пролог	7
1	7
2	9
3	11
Глава 1. Побег из Китая	13
1	13
2	18
3	21
4	23
Глава 2. Пролетарская столица	29
1	29
2	33
3	35
4	37
5	38
6	44
Глава 3. Годовщина Октября	48
1	48
2	52
3	54
4	59
5	63
Глава 4. Клад барона Бремера	66

1	66
2	71
3	77
4	79
5	82
Глава 5. Немецкий журналист	86
1	86
2	88
3	93
4	97
5	100
6	104
Глава 6. Московская саванна	108
1	108
2	112
3	115
4	117
5	121
6	123
7	126
Глава 7. Агент ОГПУ	131
1	131
2	134
3	137
4	140
5	143

6	145
7	149
Глава 8. Трудный ребенок	152
1	152
2	155
3	159
4	165
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Эльвира Барякина
Князь Советский
«Грозовая эпоха». Книга 3
Роман об иностранных
журналистах в СССР

Официальный сайт Эльвиры Барякиной – <http://baryakina.com>

Copyright © 2009–2015 Elvira Baryakina

ISBN-10: 0983847754

ISBN-13: 978–0983847755

СЕРИЯ «ГРОЗОВАЯ ЭПОХА»

КНИГА 1. Аргентинец

КНИГА 2. Белый Шанхай

КНИГА 3. Князь советский

Пролог

1

Климу Рогову, неблагодарному мерзавцу, которого я зря пригрел на своей груди

От Фернандо Хосе Бурбано, его начальника и хозяина этой чёртовой радиостанции, пропади она пропадом!

По поводу твоего подлого увольнения по собственному желанию

28 сентября 1927 г.

г. Шанхай, Китайская Республика

Примечание секретаря-машинистки О. Харпер:
Извините, Клим, я печатаю то, что диктует босс.

Неблагодарный мерзавец!

Ты не имеешь права увольняться с моей замечательной радиостанции и ехать к чёрту на рога, то есть в Советскую Россию! Ты наш лучший ведущий, и

без тебя у нас будут большие проблемы с рекламой, а мы только что заключили контракт с ребятами, которые производят таблетки «Успокоин». Я обещал, что ты сделаешь им конфетку, а вместо этого ты сделал ноги, за что я тебя ненавижу и проклинаяю, чтоб ты пропал!

Учти, что назад я тебя не приму, даже если ты приползешь на брюхе и будешь просить прощения целый год.

Объясни мне, какого чёрта тебе надо в твоей сумасшедшей стране? Ведь ты едва уехал оттуда после революции! Ведь там правят большевики, которые не чтут Бога и отбирают частную собственность у добрых коммерсантов!

Если ты просто сбрендил, купи себе «Успокоин» – ребята дадут тебе скидку по знакомству. А если ты сознательно дуришь, то, надеюсь, большевики повесят тебя на ближайшей осине.

Твой друг Фернандо

2

Моему начальнику, другу и хозяину этой чёртовой радиостанции

Фернандо Хосе Бурбано

От неблагодарного мерзавца Клим Рогова

По поводу моего увольнения

29 сентября 1927 г.

г. Шанхай, Китайская Республика

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Дружище, не сердись на меня: я просто делаю то, что должен.

Моя жена попала в беду: большевики вывезли её в СССР, и ей там грозит смертельная опасность. Я доподлинно знаю, что советская политическая полиция, ОГПУ, хватает вернувшихся на родину белогвардейцев и отправляет их в лагеря где-то далеко на севере. Чекистов не интересует, виноват человек или нет, – они «нейтрализуют» его на всякий случай, так что я должен попытаться спасти Нину.

Мне наперед известно, что ты скажешь: «Такие дамочки приносят мужчинам одни несчастья».

Безусловно, ты прав: возвращаясь в Советскую Россию, я сам рискую попасть в лапы ОГПУ – ведь я такой же белогвардейский эмигрант, как и моя супруга. И даже если я верну её, я не надеюсь на мирную семейную жизнь – Нина с её страстной душой и напористым характером не приспособлена к этому.

Как бы объяснить, чтобы ты всё понял и не обижался на меня?

Мне досталась роскошная, единственная в своём роде женщина, ради которой стоит лезть к чёрту в зубы. Рядом с ней я чувствую себя живым.

У каждого свои сокровища, Фернандо. Ты готов рисковать ради прибыли, а мне просто лень добывать золото или создавать торговые империи. Если я что-то делаю, то ради своей жены и маленькой дочки. Извини, вот такой у меня недостаток.

Пожалуйста, не отговаривай меня. Да, мы с Ниной разругались в пух и прах; да, наши отношения зашли в тупик, и я не вижу из него выхода. Но мне уже поздно идти на попятную.

Твой друг, соратник и сотрудник,

Клим Рогов

Климу Рогову

От Фернандо Хосе Бурбано

По поводу твоей *** объяснительной записки

29 сентября 1927 г.

г. Шанхай, Китайская Республика

Примечание секретаря-машинистки О. Харпер: Там, где стоят звездочки, мистер Бурбано выражался нецензурно. Извините, если что не так.

Катись к чёртовой матери, ты ***, ***, чтоб тебя ***!

Слушай, если ты вернешься живым из СССР, давай сделаем радиоспектакль по мотивам твоих походов. Публике, наверное, понравится. Если ребята, которые делают «Успокойся», к тому времени не разорятся, мы привлечем их в качестве рекламодателей.

Ты будешь рассказывать, как за тобой гонялись *** большевики, а во время рекламных пауз посоветуешь слушателям принимать таблетки от нервов.

В общем, записывай все, что с тобой будет происходить, а если тебя там начнут убивать, ты выкрой

минутку и отправь свои рассказы нам, а мы пустим их в эфир.

Если тебе потребуется заупокойная служба, телеграфируй. Ты хоть и не католик, а православный ***, я за тебя помолюсь и сделаю все, как надо.

Твой друг Фернандо

Глава 1. Побег из Китая

1

Окно в комнате, которую занимала Нина Купина, было забрано тонкими красными рейками, сложенными в затейливый узор. Когда-то тут жила супруга важного китайского чиновника, и деревянное кружево на её окне служило символом успеха и процветания.

Но для Нины это был символ тюремной решетки. С тех пор, как большевики привезли её сюда, ей не разрешали выходить за пределы усадьбы, и вот уже два месяца, как её мир сузился до внутреннего двора с заросшим прудом и высокой каменной стеной.

Официально здесь жил учёный-востоковед; неофициально это была штаб-квартира советской агентуры, присланной в Пекин для организации восстания рабочих и создания нового очага мировой революции.

Несмотря на ранний час, вся усадьба была на ногах. Взад-вперед бегали сотрудники; на земле, посреди луж, валялись забытые вещи и бумаги.

Нина в тревоге разглядывала автомобили, стоявшие у ворот: дверцы их были распахнуты, и девчонки-стенографистки торопливо пихали внутрь узлы и чемоданы.

Значит это было правдой: из Москвы пришел приказ об эвакуации.

С утра стояла влажная жара, но Нину сотрясал озноб. Если большевики уедут, что станется с нею? Она страстно надеялась, что они её отпустят или попросту забудут о ней – и тогда она сможет разбить красную решетку на окне и выбраться отсюда.

В последнее время советские работники жили как на пороховой бочке: революция в Китае не задалась, советское полпредство было разгромлено, а местных коммунистов казнили без суда и следствия. Их отрубленные головы выставляли на городских площадях – в назидание народу.

К августу 1927 года стало окончательно ясно, что дело проиграно. Большие города контролировали белые колонизаторы и местные бандиты-генералы, а нищие крестьяне интересовались делом социализма не больше, чем погодой в Австралии.

Москва потратила огромные средства на пропаганду и гражданскую войну в Китае, и поражение на Дальнем Востоке означало для советского правительства крушение всех надежд. Кто-то должен был ответить за случившуюся катастрофу, и агенты, работавшие в Пекине, оказались зажатыми между двух огней: с одной стороны, их поджидали китайские полицейские с кривыми мечами, а с другой – строгие товарищи по партии.

Что и говорить: возвращаться в СССР было страшно.

На крыльцо вышел Борисов, инструктор по партийной работе, и Нина невольно вздрогнула. Напиваясь, этот негодяй всегда ломился к ней в комнату: «Давай займемся классовой борьбой!», и она спасалась только тем, что устраивала у двери баррикаду из мебели.

К Борисову подбежали какие-то люди, и они вместе принялись разглядывать разложенную на капоте карту.

«Лишь бы обо мне не вспомнили!» – молилась про себя Нина.

Полгода назад она случайно оказалась на одном пароходе с советскими агентами и вместе с ними угодила под арест. Китайские власти не стали разбираться, кто из них красный, а кто белый, – все русские были для них на одно лицо, и их скопом отвезли на суд в Пекин. От казни их спасло только то, что большевики дали судье огромную взятку и тот выпустил подсудимых из-под стражи.

Но из одной тюрьмы Нина попала в другую: пекинский правитель объявил охоту на продажного судью и русских заговорщиков, и им пришлось скрываться в старой усадьбе на окраине столицы. Одного за другим Нининых «подельников» вывезли в СССР; обитатели дома несколько раз сменились, а она всё сидела в своей комнате и ждала, пока неведомые начальники решат её участь.

Сколько раз Нина просила Борисова отпустить её домой! – У меня в Шанхае остались муж и маленький ребёнок. Но разжалобить его было невозможно. Он знал, что Нина

удочерила китайского найденныша, и не верил, что она могла всерьёз привязаться к своей Китти. А что до мужа – Борисов лишь смеялся над Ниной:

– Знаем мы вас, шлюх белогвардейских! Приехала в Китай, честно трудиться неохота, вот и продалась какой-нибудь империалистической сволочи.

Если бы ему рассказали, что Нина владела крупным охранным агентством и под её началом служило больше сотни вооружённых белогвардейцев, он бы сам поставил её к стенке. Это в глазах русских иммигрантов она сделала головокружительную карьеру, а большевики смотрели на ситуацию по-другому: кем могла быть дамочка, сбежавшая в Китай после революции и внезапно там разбогатевшая? Ведь такого не бывает, чтобы в капиталистической стране люди добивались успеха своим умом и трудом! К тому же Нина раздобыла для себя и Климá американские паспорта – в порядке исключения, не въезжая в страну. Ясно, что она шпионка и враг трудящихся!

Борисов поднял голову, взглянул на Нинино окно и решительно направился в дом.

У неё ёкнуло сердце. Что делать? Снова забаррикадироваться? А если Борисов начнет стрелять? Или – того хуже – устроит пожар? Несколько дней назад большевики говорили, что после отъезда усадьбу надо сжечь, потому что им не под силу вывезти все секретные архивы.

Борисов ввалился в комнату и схватил Нину за руку:

– Ты едешь с нами.

– Куда?! – ахнула Нина.

– В Советский Союз. Будешь перековываться из буржуйки в трудовую единицу.

Она рванулась, но на помощь Борисову примчались двое охранников. Вытащив Нину из дома, они затолкали её на заднее сиденье автомобиля.

Борисов привалился рядом и поднес к её лицу кулак в синюшных наколках.

– Только пикни, стерва! Убью!

Маленькая кавалькада выехала из Пекина в середине августа и несколько недель кружила по просёлочным дорогам, пытаясь сбить со следа полицию.

Всё это время большевики не спускали с Нины глаз. Усталые и нервные, они срывали зло друг на друге и на любом, кто попадался под руку. Для них «отпустить Нину» означало «подарить белогвардейской дамочке шанс на спасение» – а она явно этого не заслуживала.

Когда они добрались до Внутренней Монголии, к ним присоединились несколько машин с китайскими коммунистами и их русскими советниками. Те нагнали на беглецов ещё больше страху, рассказав, что в Москве началась грызня между высшими партийными деятелями.

Иосиф Сталин, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), неожиданно стал набирать силу и обвинил во внешнеполитической катастрофе не кого-нибудь, а самого Льва Троцкого – одного из главных организаторов Октябрьского переворота и создателя Красной армии. Его сторонников в открытую называли контрреволюционерами и травили в печати. Это был плохой знак: советские агенты, работавшие в Пекине, почти поголовно были троцкистами.

Нина слушала эти разговоры с содроганием: если правые большевики всерьёз опасались за свою судьбу, что

могло ждать её? Впрочем, она могла вовсе не добраться до Советской России: Борисов нисколько не скрывал, что собирается «проучить» её. Он купил на деревенском базаре хлыст, сделанный из тонких и длинных металлических звеньев, и пообещал Нине, что скоро опробует на ней своё приобретение.

* * *

Великая пустыня Гоби начиналась за грядой невысоких гор, и, перебравшись через неё, кавалькада покатила по каменистому бездорожью. Одна из машин заглохла, и пока её чинили, спустилась ночь. Впервые после отъезда из Пекина беглецы позволили себе немного расслабиться. У Борисова в багаже имелась рисовая водка, и его фляга пошла по кругу.

Нина поняла, что это её единственный шанс на побег: они не успели уехать далеко от последней китайской деревни.

Пока разомлевшие революционеры сидели у костра и вспоминали своё китайское житьё-бытьё, Нина торопливо собрала вещи. Она взяла с собой только компас, одеяло, сухари и флягу с водой. Брать больше не имело смысла: если она заблудится, то всё равно погибнет.

Нина старалась не думать, что с ней будет, когда она доберётся до китайцев. Она не знала их языка, документов у неё не было, а послать весточку в Шанхай было невозможно – ближайший телеграф находился за сотню миль. Но лучше

уж сгинуť в глухой китайской провинции, чем попасть в лапы Борисову.

Захмелевшие большевики один за другим разбрелись по палаткам, и, когда небо над холмами начало светлеть, Нина потихоньку выбралась из лагеря.

В сизом сумраке почти ничего не было видно, и она ориентировалась по звездам, шагая по плоской, усеянной мелкими камешками равнине.

Вокруг стояла гробовая тишина. Подвернешь ногу, напорешься на скорпиона или просто натрешь пятку – и поминай как звали.

– Главное – дождись меня! – шептала Нина.

В последние месяцы она постоянно разговаривала с мужем – словно Клим мог её услышать. Когда китайцы её арестовали, он примчался в Пекин и принял самое деятельное участие в её освобождении – и это несмотря на все ссоры и обиды! Что бы между ними ни происходило, он никогда не бросал её в беде.

Большевики наверняка не сказали Климу, куда они увезли Нину после суда, и она могла только догадываться, что с ним случилось после этого. Он вернулся домой в Шанхай? Или, может, остался в Пекине?

– Вот увидишь: я вернусь к тебе... – повторяла Нина. – Я всё исправлю; главное, дай мне шанс!

Над пустыней поднялось огромное розовое солнце, а Нина всё шла и шла в гору. От усталости у неё гудело в ушах, в боку кололо, но останавливаться было нельзя: надо было уйти как можно дальше до того, как начнется жара.

Внезапно тишину разорвал грохот выстрела, и совсем близко от Нины взметнулся фонтан мелких камешков. Вздрогнув, она оглянулась и похолодела: внизу, у подножья холма, стоял знакомый пропыленный «бьюик». Немец Фридрих, служивший у большевиков летным инструктором, опустил карабин и поманил Нину рукой.

– Спускайтесь!

Спрятаться было негде. Нина опустилась на землю и закрыла лицо ладонями: тащите куда хотите.

К ней подскочил Борисов и, схватив её за плечо, заставил подняться.

– Дура! – заорал он и залепил Нине пощечину. – Знаешь, сколько мы из-за тебя бензина сожгли?!

Нина попыталась вырваться, но Борисов вывернул ей руку и поволок к машине.

– Ну ты у меня сейчас получишь! – прошипел он. – Всех товарищей под удар подставила! А если б тебя поймали? Ты бы всех нас сдала китайцам!

Борисов снова хотел ударить Нину, но Фридрих остановил

его.

– Поехали! Нам ещё ребят надо догнать.

Они посадили всхлипывающую Нину в «бьюик» – между ящиками с консервами и блестящей трубой от граммофона.

– Я тебя отпущу через недельку, без воды и еды, – пообещал Борисов. – Только предварительно выдеру как сидорову козу.

Фридрих взглянул на Нину в зеркало заднего вида.

– Пересаживайся в машину к Магде, – вдруг заговорил он по-английски. – И не отходи от неё ни на шаг, а то этот мерзавец забьёт тебя до смерти.

Нина растерялась. Она и не думала, что кто-то из большевиков ей сочувствует.

Борисов нахмурился.

– Ты чего ей сказал?

Английского он не знал – даром что три года околачивался в Посольском квартале.

– Пусть перебирается в фургон с багажом, – отозвался Фридрих. – Я её в своей машине терпеть не буду.

Англичанка Магда Томпсон ощущала себя парией среди большевиков: у неё имелся врожденный и неисправимый недостаток – она была наследницей крупного мыловаренного завода под Ливерпулем. Высокая и грузная, она походила скорее на дочь мясника, чем на «принцессу мыла», но это не помогало: большевики смотрели на неё косо, а при случае откровенно насмехались над ней.

Магда путешествовала по миру в своё удовольствие и, приехав в Пекин, поселилась в гостинице недалеко от Посольского квартала. Однажды ночью она читала книгу и вдруг слышала подозрительный шорох под дверью. Выглянув в коридор, она обнаружила человека, зажимавшего кровавую рану на руке.

– За мной гонится китайская полиция, – проговорил он, тяжело дыша. – Можно, я немного у вас побуду? Меня зовут Фридрих, а вас?

Как Магда могла устоять перед тевтонским рыцарем с соколиным взглядом и коротким ежиком полуседых волос? Она оставила Фридриха у себя и начала помогать ему чем только можно: возила его по конспиративным квартирам и организовывала эвакуацию китайских коммунистов и их русских советников.

По ночам они с Фридрихом предавались страсти, а потом

Магда осторожно расспрашивала его, что он намерен делать дальше.

– Поеду в Москву, – отвечал он.

– Но зачем? – страдая, шептала Магда. – Вы же немец, что вы там забыли?

– Там зарождается заря нового мира. А на вашем Западе только пошлость, скука и стяжательство.

Фридрих рассказал Магде, что во время войны он попал в плен к русским, познакомился с большевиками и понял, что его судьба – это вершить мировую революцию. В Китае он обучал молодых красных лётчиков искусству воздушного боя.

Про себя Магда называла Фридриха «Великим»: он презирал опасность и заботился не столько о себе, сколько о своих товарищах и о Правом Деле – как он его понимал. Первый раз в жизни она столкнулась с мужчиной, которому было плевать на её богатство. Более того, он считал, что от него надо поскорее избавиться.

– Я не могу, – с сожалением говорила Магда. – Это же не мои деньги, а папины. Он просто платит по моим счетам.

Фридрих никогда не говорил с ней о любви и полагал, что Магда помогает не ему, а делу социализма – за что ей большое спасибо. В один прекрасный день он крепко пожал ей руку и сказал, что уезжает в Советский Союз.

– Партия никогда не забудет вашей доброты, мисс Томпсон!

– Я еду с вами! – решительно объявила Магда.

Фридрих оторопел. Он называл её сумасшедшей и намекал на то, что в СССР у британской капиталистки могут возникнуть серьёзные проблемы, но Магда ничего не желала слушать.

Она отправилась к новым знакомым из советского полпредства и получила визу.

Фридрих был в ярости.

– Они что там, с ума все посходили? – орал он. – Как вы их уговорили?

Магда загадочно улыбалась. Она предложила соратникам Фридриха большой санитарный фургон, в котором они могли вывезти из Китая личные вещи. Государство выделило им деньги только на эвакуацию людей, партийного архива и оружия, а бросать родное барахло, накопленное в Китае, было жалко.

Фридрих разругался с Магдой и сказал, чтобы она даже близко к нему не подходила. Другие большевики тоже старались держаться от неё подальше – как будто она могла заразить их «британским империализмом».

Дорога была дальняя, и, измаявшись от страха и отверженности, Магда очень обрадовалась, когда к ней подселили Нину Купину, которая к тому же прекрасно говорила по-английски. Слава богу, она была худенькой и умудрилась втиснуться за пассажирское сидение. В кузове совсем не было места: всё было заставлено тюками, корзинами и ящиками.

День за днём санитарный фургон катил по пустыне, похожей на застывшее каменное море. В ногах перекатывались арбузы, а над головами трепетали перьями шляпы, приколотые к потолку кабины, – посольские дамы хотели с прибылью продать их в Москве (и после этого они ещё смели рассуждать о вреде капитализма!).

Шофер-китаец то пел песни, то ругал проводников, которые вечно всё путали и не раз заводили колонну чёрт знает куда.

– Что будем делать, если бензин кончится? – то и дело повторял он. – А если будет пылевая буря?

Магда и слушала, и не слушала его. Впереди ехал «бьюик», который вел Фридрих Великий. Она готова была отдать всё на свете, чтобы оказаться рядом с ним. Если будет авария, хорошо было бы погибнуть вместе, в одну секунду! Пусть их засыплет песком, и пусть их через триста лет откопает какой-нибудь археолог. Они будут сидеть рядом и держаться за руки – и даже смерть не сможет разлучить их.

Но Фридрих взял к себе в машину Борисова и дополнительную бочку воды, так что ему нечем было порадовать археологов будущего.

Магда не понимала, почему Фридрих её отвергает. Да, не красавица; да, англичанка – но ведь раньше его это не смущало!

А что, если по приезде в Москву он не захочет с ней мириться? Возьмет и просто исчезнет, а ты иди, куда хочешь.

Магда понятия не имела, чего ожидать от Советской России. Десять лет назад там была революция, а чуть позже – Гражданская война и голод, унесший пять миллионов жизней. Один из приятелей Магды ездил в 1921 году в Петроград и потом рассказывал, что в тамошних гостиницах бегают крысы, а постояльцам дают по ведру воды в день – чтобы помыться и самим приготовить себе еду.

– Нина, а вы когда уехали в Китай? – спросила Магда.

– В октябре двадцать второго года, – отозвалась та. – В России в то время было очень голодно.

Понятно... За пять лет там вряд ли что-нибудь изменилось. Магду зло брало: большевики в собственном доме не могли навести порядок, а всё туда же – лезли учить мир, как строить счастливое будущее.

Она повернулась к Нине. Та сидела на полу, держась за подлокотник Магдиного кресла – фургон то и дело подбрасывало на камнях и ухабах.

– У вас есть где остановиться в Москве?

– Нет.

– Хотите быть моей переводчицей? Я совсем не знаю русского и, боюсь, пропаду без вашей помощи.

Нина помолчала.

– А как долго вы собираетесь оставаться в Москве? Пока Фридрих не сменит гнев на милость?

Магда не ожидала, что о её чувствах так легко догадаться.

– Я пока не знаю, – смутившись, произнесла она.

– Ну что ж, давайте помогать друг другу, – со вздохом сказала Нина.

Магда давно приглядывалась к ней и не раз подмечала, что этой женщине всё было к лицу и всё шло на пользу – даже истрёпанные кофта и юбка и неизбывная печаль в глазах.

Нина ничего не должна была делать для того, чтобы привлечь внимание: она просто родилась такой – с большими серо-зелёными очами, выющимися тёмными волосами и нежной линией шеи и плеч. Одного взгляда было достаточно, чтобы возникло желание её присвоить – так хочется забрать себе красивую кошку или найденную на рынке необычную статуэтку.

А Магде всю жизнь приходилось доказывать, что она заслуживает внимания и любви.

– Интересно, каково быть такой, как вы? – спросила она, испытующе глядя на Нину. – Вы с первого взгляда нравитесь мужчинам. И не говорите, что это не так!

Нина нахмурилась, и уголки её губ скорбно опустились.

– Я не выбираю, кому понравлюсь, а кому нет. И ничего не могу с этим поделать.

Магда рассмеялась. У неё были точно такие же проблемы.

Глава 2. Пролетарская столица

1

Месяц спустя беглецы пересекли границу СССР и добрались до безымянного полустанка, где их поджидал пригнанный из Москвы международный спальный вагон.

У большевиков отлегло от сердца: если их так встречают, значит, никаких выволочек не будет. Кажется, партийное руководство осознало, что агенты, посланные в Китай, сделали все, что могли, для победы мировой революции. Просто обстоятельства оказались сильнее.

Их охватило ребяческое веселье: добрались-таки до своих! Не погибли в пустыне, не напоролись ни на солдат, ни на хунхузов, грабящих торговые караваны. Всё будет хорошо!

Пропыленные, дочерна загоревшие, беглецы заталкивали свои вещи на багажные полки.

– Поезд отправляется через пять минут! – крикнул проводник, красивый дед с пышными седыми усами.

Нина и Магда забрались в отведенное им купе. На полосатых диванах лежали стопки туго накрахмаленного постельного белья, на откидном столике стояла вазочка с цветком и меню из вагона-ресторана. Из-за стенки, примыкавшей к уборной, слышался смех – кто-то, как чуду, радовался воде,

текущей из крана.

Нина подошла к висевшему на двери зеркалу и подняла над головой кудрявую прядь волос – та так и осталась стоять дыбом.

– Когда мы доберемся до ванной, мы с себя по фунту грязи смоем, – сказала Магда. – Ну, если в Москве ещё остались ванны.

Кто-то постучал в стекло, и она открыла окошко.

– Нину позови! – велел Борисов.

Нина нехотя подошла к окну.

– Что вам угодно?

Борисов вытащил из кармана газету и швырнул её Нине.

– Вот, только что на станции купил.

На первой полосе чернел крупный заголовок: «Троцкий исключен из кандидатов в члены Исполкома Коминтерна».¹ Тут же рассказывалось об аресте нескольких предателей, которые «подрывали основы партийного строительства» и «вносили раскол в большевистскую среду».

– Ехать в Москву – это верное самоубийство, – прошептал Борисов. – Если даже Троцкого снимают с должностей, нас всех сожрут и не подавятся. Ну и тебя заодно.

Борисов оглянулся по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, тихонько добавил:

¹ Коммунистический интернационал (сокращенно – Коминтерн) – международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 годах. Финансировалась в основном за счёт СССР и занималась подготовкой мировой революции.

– Поехали со мной в Хабаровск! У меня есть деньги, так что не пропадем. Или ты с этой английской коровой поедешь на убой?

Нина с грохотом опустила оконную раму.

– Что он вам сказал? – спросила Магда, когда поезд тронулся.

Нина села на диван и обхватила себя руками, как от холода.

– Мисс Томпсон, ехать в Москву опасно! Давайте сойдем на первой же станции и поедem во Владивосток! Оттуда паромом можно добраться до Шанхая.

Но Магда наотрез отказалась:

– Я понимаю, что вы стремитесь вернуться к мужу. Но я тоже не хочу терять Фридриха! Я сумею вас защитить – у моего отца много друзей в парламенте. Мы отправим Климу телеграмму, и он пришлет вам деньги на обратную дорогу.

– Большевики плевать хотели на ваш парламент! – в отчаянии воскликнула Нина. – Тут нет ни ваших дипломатов, ни правосудия. Вас обвинят в шпионаже и расстреляют!

Но Магда считала, что это к ней не относится: когда она путешествовала по Южной Америке, индейский колдун дал ей выкурить особой травы и заговорил её от насильственной смерти.

За окном тянулись сопки, покрытые рыжей травой; изредка проходили встречные составы, и в раскрытых дверях теплушек мелькали лошадиные морды и суконные шлемы крас-

ноармейцев – куда-то перебрасывали войска.

Магда прихлебывала принесенный проводником чай.

– И кого этот Фридрих обманывает? Ни один человек не способен жить без любви. Он просто боится навлечь на меня беду... Но я ему сразу сказала, что ничего не боюсь! Ну... кроме моего папы, когда он сердится. Нам просто нужно время, чтобы получше узнать друг друга.

Нина слушала её и думала о том, что с каждой секундой она уносится от Клима всё дальше и дальше.

Поезд пролетел полстраны и наконец въехал в дымную, залитую электрическим светом Москву.

Нина готовилась к самому худшему: сейчас к дверям вагона встанут люди из ОГПУ, прибегут следователи и начнут её допрашивать: как вы оказались в Китае? Чем вы там занимались?

Магда тоже сидела на диване ни жива ни мертва и встревоженно смотрела на здорового носильщика, топтавшемся перед их окном. У него были зверская рожа и растрепанная борода, а с мясистой губы свисала тлеющая сигарка. Таковыми на политических плакатах изображали большевиков, лезущих в перепуганную Европу.

– Если нас арестуют – прыгайте на пути и прячьтесь под вагонами, – проговорила Нина дрогнувшим голосом. – Побежим в разные стороны: вы – к вокзалу, а я – вон туда, к товарняку. Встретимся через сутки на площади перед вокзалом – там, где стоят извозчики.

В дверь постучали, и у Нины оборвалось сердце: «Вот и всё!»

Но это был всего лишь Фридрих.

– Ну, чего расселись? Езжайте во Второй Дом Советов, там вас примут.

– А вы куда поедете? – встрепелась Магда.

– В общежитие Коминтерна.

Фридрих позвал носильщика, и тот, связав чемоданы кушаком, вскинул их на плечо.

– Куды волоочь?

– На выход, – отозвался Фридрих и повел Магду и Нину сквозь вокзальную толпу.

Нина не знала, то ли ей бежать, пока не поздно, то ли, наоборот, держаться поближе к Магде. Если сбежишь, то где спрячешься и на что будешь жить? А у Магды все-таки есть влиятельный папаша, который, случись что, поднимет на ноги весь британский парламент.

– Фридрих, что такое Второй Дом Советов? – спросила Нина.

– Сейчас сами увидите.

Наверное это было учреждение, где допрашивали иностранцев.

Нина ожидала, что Москва будет похожа на обезлюдевшую, разграбленную врагом крепость. Ничего подобного! Нарядное здание вокзала недавно отремонтировали; народу, особенно молодёжи, было полно – хотя люди, одетые по-европейски, почти не попадались.

Тут была своя мода: мужчины носили суконные брюки, косоворотки и кепки, а женщины щеголяли в ситцевых платьях и косынках, низко надвинутых на лоб.

Рабочие снимали со стены выцветший транспарант: «Да здравствует мировая революция!» и вешали на его место новый лозунг: «Даешь индустриализацию и укрепление обороны!» Кажется, у большевиков поменялись планы на жизнь.

Фридрих вывел Нину и Магду на площадь и показал на маленький «рено», стоявший неподалеку:

– Наймите себе таксомотор.

– Когда мы сможем встретиться? – с мольбой в голосе произнесла Магда.

– Я сам вас найду.

Сев в машину, она вновь принялась рассуждать о любви, но Нина не слушала. Мимо проносился сумеречный город, о котором за границей говорили как об оплоте мирового зла.

Толпы народа текли по узким тротуарам и впадали в раскрытые двери магазинов. Нина с трудом разбирала надписи

на вывесках: в отличие от Шанхая, тут их не подсвечивали. «Минеральные воды Боржом», «Столовая-пирожковая имени тов. Рыкова»,² «Искусство – социальная сила!» – всё писалось по новым правилам орфографии, без «і», ятей и еров.

По сравнению с Китаем автомобилей было совсем мало – люди передвигались либо на пролётках, либо в переполненных трамваях. Дома освещались сверху донизу, и даже из полуподвальных окон, вросших в тротуары, выпадали жёлтые прямоугольники света.

– Почему везде горит электричество? – спросила Нина у шофера.

– Жильцов в каждую комнату подселили, вот они лампочки и жгут, – разъяснил тот. – Раньше барин один в целой квартире жил, а сейчас таких порядков нету. Одна комната на семейство – и никаких излишков.

Нина перевела Магде его слова.

– Представляете, если бы в ваш дом подселили незнакомых людей?

– Если среди них будет Фридрих Великий, то я согласна, – самонадеянно отозвалась та.

Кажется, индейский колдун заговорил её не от смерти, а от здравого смысла.

² Алексей Иванович Рыков (1881–1938) – председатель Совета народных комиссаров СССР.

Оказалось, что Второй Дом Советов – это бывшая гостиница «Метрополь». Раньше в ней проживали члены правительства, но потом они получили отдельные квартиры, а номера вновь стали сдавать иностранцам.

Увидев вполне приличный вестибюль с мраморными полами и сверкающими люстрами, Магда окончательно воспряла духом.

– Вот видите, всё идёт как надо! – сказала она Нине.

Правда, цены в «Метрополе» оказались немыслимыми – за сутки надо было платить столько, сколько в Пекине требовали за месяц.

– Стране валюта нужна, – без обиняков пояснил администратор.

Когда он попросил документы, Магда подала ему свой паспорт с вложенной в него бумажкой в пять фунтов.

– Эта женщина будет моей гостьей, – сказала она, показав на Нину.

– Понятно, – вздохнул администратор и уронил купюру в выдвижной ящик стола.

В советском государстве, как и во всем мире, деньги решали если не всё, то многое.

Никто и не думал арестовывать Нину и Магду. Они жили себе в «Метрополе», ходили обедать в ресторан на первом этаже и знакомились с иностранцами, прибывавшими в Москву на празднование десятой годовщины Октября.

Магда всех расспрашивала о Фридрихе – в надежде, что кто-нибудь из членов иностранных компартий знает, где его искать. Но всё было напрасно. Дни шли за днями, а от Фридриха не было ни слуху ни духу: он явно не собирался поддерживать отношения с бывшей возлюбленной.

– Он просто очень занят и ему нужно время, чтобы разобратся с делами, – разглагольствовала Магда. – Надо ещё подождать: ведь он знает, где меня найти.

Нинины дела тоже шли неважно. Она отправила телеграммы домой и Климу на службу, но они вернулись с пометкой: «Адресат выбыл». Она сходила с ума при мысли, что с Климом и Китти что-то случилось.

Телеграммы друзьям тоже остались без ответа. В Шанхае было беспокойно, и многие белые колонисты уехали от греха подальше.

Надеяться было не на кого, и Нина сама должна была добывать деньги на дорогу домой. При жаловании, которое ей назначила Магда, на это требовалось несколько месяцев, а ведь ещё надо было достать документы и каким-то образом

пересечь границу!

Повысить Нинину плату Магда не могла – ей самой не хватало наличности. Отец наотрез отказался оплачивать её счета: он не желал вкладывать ни пенса в большевистскую Россию и требовал, чтобы его дочь немедленно вернулась в Англию.

По правде говоря, Магда и так содержала Нину из милости – та оказалась не бог весть каким специалистом в современном русском языке. За последние годы в моду вошел телеграфный стиль с его сокращениями, и народ всюю обреза и скрещивал слова. Учителя превратились в «шкрабов» – школьных работников, прислуга – в «домработниц», министерство – в «наркомат», и даже жалование стало «зарплатой». Порой Нина вовсе не понимала, о чём идёт речь. Вот скажите на милость, что это такое: «В коопмаге Нарпита выбросили ширпотреб»?

Целыми днями Нина и Магда ходили по городу и осматривали достопримечательности – от Мавзолея, в котором лежал мумифицированный Ленин, до Антирелигиозного музея, устроенного в бывшем Страстном монастыре.

Москва всюю готовилась к Дню 7 ноября: везде шел ремонт, а по улицам маршировали трудящиеся: кто с винтовками, кто в противогазах – это были репетиции военного парада.

Советский Союз жил в предчувствии скорой войны, и это ощущалось во всем – от передовиц газет до разговоров на

рынках.

По городу были развешаны плакаты:

«Красная армия – верный страж страны Советов».

«Укрепляйте союз рабочих и крестьян – он сделает СССР непобедимым!»

«Социалистическим наступлением повысим обороноспособность!»

«Смерть кровавым империалистам!»

– А с кем большевики собрались воевать? – недоумевала Магда.

– С англичанами, с кем же ещё? – усмехалась Нина. – Вы ведь хотите напасть на СССР; об этом во всех газетах пишут.

Магда ужасно расстроилась, узнав, что в СССР всерьёз ждут появления английских боевых аэропланов.

– Слушайте, но ведь это полная ерунда! В Кремле прекрасно понимают, что это физически невозможно. Зачем они сознательно врут населению?

Нине было понятно зачем. Все эти годы большевики, грезившие мировой революцией, тратили огромные суммы на финансирование забастовок и вооружённых восстаний в других странах. Дело кончилось тем, что Советский Союз стали считать государством-злоумышленником, которое поддерживает радикалов и ничуть не стесняется в глаза говорить о дружбе между народами и параллельно устраивать диверсии на территории соседей.

Великобритания расторгла дипломатические отношения

с СССР, Франция выслала советского полпреда, в Польше полпред был убит, а в Китае коммунистов истребляли, как бешеных собак. Более того, газеты по всему миру перепечатавали документы, которые доказывали, что большевики вели подрывную деятельность как в Европе, так и в Азии.

В Кремле это истолковали как «готовность империалистов задушить молодое советское государство» и принялись готовиться к масштабной войне. Нагнетание военной истерии было совершенно необходимо, чтобы народ сплотился вокруг вождей и мобилизовался на борьбу «до последней капли крови». Кроме того, населению надо было объяснить, почему полки в магазинах опустели, а у хлебных лавок растянулись очереди. Спустя десять лет после революции страна пришла к такой же экономической катастрофе, что и в 1917 году, – и это в мирное время!

Магда повела Нину в универмаг, чтобы подыскать ей тёплую одежду, но оказалось, что уродливые туфли с кривыми прострочками стоят 40 рублей, хлопковые чулки – 7, а пальто – 150. Как такое могло быть, если средняя зарплата рабочего в Москве составляла 75 рублей, а служащего – и того меньше?

Так ничего и не купив, Магда отдала Нине бархатную шубу, приобретенную в Пекине в качестве сувенира. Это было огромное ярко-красное страшилище с откидным воротником и вышитыми на спине драконами.

– Если хотите, переделайте её, – разрешила она. – Вы не

можете ходить без верхней одежды, а покупать вам пальто по советским ценам – это безумие.

Несколько дней Нина просидела за шитьём, и у неё получилась вычурная, но нарядная разлетайка в восточном стиле и берет – вроде того, что носила Татьяна в «Евгении Онегине».

В них Нину постоянно принимали за участницу антибританских костюмированных шествий. Молодёжь из агитационных бригад возила по улицам здоровую куклу англичанина, время от времени ставила её на колени и после чтения пламенных речей била проклятого «англосакса» по голове. Один раз Нине даже вручили деревянный молот и велели треснуть им куклу от имени восставшего китайского народа.

Магда пыталась придумать, как ей заработать денег на жизнь. Каждый день в номера «Метрополя» приносили советские газеты и листовки, в которых рассказывалось о том, что СССР собирается модернизировать своё производство и ему срочно нужна помощь в освоении новых технологий.

Магда написала брошюру о мыловарении и велела Нине перевести её на русский.

– Я в подробностях описала, как у нас в Британии делают мыло и стиральный порошок, так что мою книжку должны сразу взять в печать.

Но, к её удивлению, никто из издателей не предложил ей заключить договор.

– Тема, конечно, интересная, но нам нужно разрешение от

Главного управления по делам литературы, – сказали Магде в Госиздате.

В других местах потребовали ещё и бумажку из Наркома-та просвещения, в третьих – из Высшего совета народного хозяйства, а в четвертых – из ОГПУ.

– Они думают, что я написала что-то неправильное? – кипятилась Магда. – Пусть проверяют, пусть отправят мою брошюру специалистам!

– Не будут они ничего проверять, – со вздохом отозвалась Нина. – Им просто не нужны проблемы с иностранцами. Кто вас знает – может, вы шпионка и вредитель? А им потом отвечать.

Хоть она и убеждала себя, что не имеет никакого отношения к Советам, ей было стыдно перед Магдой и за издательства, и за куклу англичанина, и за туфли за сорок рублей.

Нина тоже пыталась придумать, как заработать денег.

ВОКС, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, раздавало обитателям «Метрополя» билеты в Большой театр – чтобы иностранцы приобщались к советскому искусству. Но желающих слушать оперу было немного, и соседи охотно продавали билеты Нине – за символическую плату.

Они не догадывались о том, что Большой театр – это оплот высшего общества в СССР. Там можно было увидеть жён наркомов, известных писателей, а иногда и членов ЦК. Чтобы попасть в партер, люди были готовы тратить последние деньги, а билеты в ложи для иностранцев считались чуть ли не пропуском в рай.

Нина вернулась в номер после очередной сделки с театральными барышниками и разложила на кровати своё богатство. Сто тридцать рублей – немного, конечно, но теперь впереди забрезжила хоть какая-то надежда.

Спрятав деньги в вязаный кошелёк, Нина выглянула в окно. Часы, установленные посреди площади Свердлова, показывали пять вечера. Куда, интересно, подевалась Магда?

Мисс Томпсон решила, что писательство – это её призвание, и начала собирать материалы для будущей книги о СССР. Один раз Магда явилась к цыганам, живущим в Петровском парке, в другой раз отправилась в ночлежный дом,

где обитали сотни уголовников, проституток и нищих. Она считала, что при её росте и силе ей никто не страшен.

Стемнело, и по стеклу забарабанил мелкий осенний дождь. Нина несколько раз принималась за взятый в гостиничной библиотеке роман «Чапаев», но все её мысли были только о Магде.

Куда её занесло на этот раз? К чистильщикам уличных писсуаров? На партийное собрание троцкистов?

В час ночи в коридоре послышались тяжёлые шаги и стук в дверь.

– Здрасьте... я вернулась... – проговорила Магда пьяным голосом.

Она прошлепала через комнату и прямо в ботинках и пальто повалилась на кровать.

– Что с вами?! – ахнула Нина.

– Это не со мной, это с Фридрихом... Он все-таки ко мне неравнодушен.

Магда нашла общежитие Коминтерна, пробралась туда через кухню и подоспела как раз к торжеству в комнате Фридриха – ему простили все вольные или невольные прегрешения в Китае и назначили пилотом на новенький пассажирский аэроплан.

– *Fokker-Grulich F III*! – со смаком произнесла Магда. – Теперь Фридрих три раза в неделю будет летать по маршруту Москва—Берлин.

Внезапно она побледнела и, вскочив, понеслась в убор-

ную. Вскоре оттуда раздались утробные стоны – кажется, Магду рвало.

Ей было так плохо, что Нина всю ночь не отходила от неё. Когда Магде становилось чуть легче, она с нежностью в голосе описывала свою встречу с Фридрихом:

– Завтра будет проходить парад в честь годовщины революции, и Фридрих дал мне пропуск на трибуну для особо важных иностранцев. Это будет боевой смотр Красной армии – чтобы продемонстрировать врагам... ну, то есть нам... что советские люди ничего не боятся.

– А про ваши отношения вы говорили? – допытывалась Нина.

– Нам было не до этого! Фридрих сказал, что все ресурсы страны будут брошены на укрепление обороны. Враг не дремлет и... Ой, мне опять надо в уборную!

Нина сходила к дежурному по этажу и принесла свежие полотенца.

– Не умеете пить – не беритесь! – злилась она на Магду.

– У нас... то есть у Фридриха было горе, – слабым голосом отозвалась Магда. – Он убежденный сторонник Льва Троцкого, а ему пришлось отречься от него и подписать одну бумагу. Там говорилось, что китайскую революцию погубили троцкисты, вступившие в сговор с мировым капиталом. Но ведь иначе его могли посадить!

«Так вот за что ему дали „Фоккер-Грулих“! – подумала Нина. – М-да... вот тебе и герой-революционер!» Впрочем,

она слышала, что всех остальных троцкистов поставили перед точно таким же выбором: либо опала и репрессии, либо предательство.

Она уложила Магду и легла сама, но сон к ней не шел. В глубине души Нина надеялась, что её покровительница разочаруется во Фридрихе и поедет вместе с ней в Китай – в компании большой, самоуверенной Магды всё было бы намного проще. Но, кажется, этим мечтам не суждено было сбыться.

– Я, наверное, не смогу пойти на парад, – чуть слышно прошептала Магда. – Но мне очень нужны снимки оттуда – я хотела вставить их в мою книгу.

– Спите, ради бога! – отозвалась Нина.

Пружины кровати страдальчески заскрипели.

– У меня в кармане пальто лежит пропуск... Нина, сходите вместо меня!

– Да я же не иностранка!

– Если вы пойдёте в своей китайской шубе, никто не заподозрит, что вы русская. Вы, главное, молчите и не выдавайте себя. Я прошу вас!

Ее снова вырвало – на этот раз прямо на пол.

Нина уже была готова пообещать ей всё что угодно, лишь бы она уgomонилась.

Глава 3. Годовщина Октября

1

По подернутому влажной дымкой городу носились грузовики и топали молчаливые солдаты в буденовках с опущенными отворотами. В переулках темнели силуэты броневиков; временами раздавались конское ржание и гулкий цокот копыт – кавалерия готовилась к параду.

Нина шла в толпе прохожих, прижимая к груди зачехлённую фотокамеру. Магда сказала, что у неё осталась последняя плёнка, и просила беречь её как зеницу ока.

Все пялились на нелепую Нинину шубу. Девочка, заглядевшись на неё, уронила на мостовую букет астр и тут же получила подзатыльник от матери:

– Смотри за цветами, а то чем на параде махать будешь?

На подступах к Красной площади царили суeta и нетерпение – как перед боем. В клубах тумана покачивались знамёна и гигантские портреты вождей; инструкторы обходили отряды рабочих, приплясывающих от холода, и командовали, кому за кем идти.

Нину тоже бил нервный озноб: ей казалось, что она непременно наткнётся на милиционеров и они начнут выяснять, кто она и как раздобыла пропуск на трибуну для иностран-

цев.

Но всё обошлось: у Иверских ворот Нина предъявила пропуск и вышла на немощеную, подмерзшую за ночь Красную площадь.

Над кремлёвской стеной развевался алый флаг; на шпилях древних башен золотились едва различимые в тумане царские орлы – большевики пока ещё до них не добрались. На другой стороне площади, на здании ГУМа, подрагивало и пузырилось полотнище с изображением Ленина – круглоголового вождя в буржуазном костюме и галстуке. Огромный, великий и вечный, как фараон, он с грустью смотрел на свою собственную гробницу, сделанную в форме усеченной пирамиды. Станный выверт истории – в двадцатом веке в России возродились обычаи Древнего Египта.

Нина поднялась на трибуну и села с краю на деревянную скамью. Вроде никто не обратил на неё внимание.

Постепенно собирались иностранные гости: европейцы и американцы, индийцы и арабы, но больше всего было китайцев – Нина даже узнала нескольких старых знакомых, которые ехали с ней через пустыню Гоби. Вроде они отнеслись к появлению Нины как к должному.

Все переговаривались, дули на озябшие пальцы и пытались найти более удобное место для фото– и киносъёмки. Высокий сутулый мужчина в пенсне ходил между ними и на разных языках спрашивал, как дела и нет ли у дорогих гостей каких пожеланий.

– А вы кто будете? – дружелюбно осведомился он у Нины.

Она сделала вид, что не понимает его. Этот тип сразу ей не понравился: худой, с аккуратной русой бородкой и утиным носом, он напоминал зловредного спальника из сказки о Коньке-Горбунке.

Потоптавшись рядом, товарищ в пенсне сел на лавку позади Нины, и она услышала, как он спросил у кого-то:

– Кто это такая? Вон та, в красной шубе.

– Не знаю, товарищ Алов, – ответил молодой голос. – Я её не припомню.

– Надо выяснить!

Наверняка это были агенты ОГПУ, и Нина уже проклинала себя за то, что пошла на поводу у Магды. Вдруг этот Алов попросит у неё документы? Вдруг кто-нибудь из китайцев доложит ему, что она не иностранка?

На трибуны вышли члены правительства, и иностранцы, повскакав с мест, защёлкали фотокамерами. Нина понятия не имела, кто из вождей кто, но на всякий случай тоже сфотографировала их – вдруг они пригодятся Магде? Было странно, что все они оказались маленькими и неказистыми, – и тем нелепее смотрелась на них полувоенная форма: словно провинциальные счетоводы решили наряжаться в героев войны.

К Алову подскочила женщина с тонкой папкой и что-то зашептала ему. Нина разобрала слова «Троцкий» и «стихийные выступления».

– Вот дьявол! – пробормотал Алов и, сбежав вниз по лестнице, затерялся среди солдат, стоявших в оцеплении.

У Нины немного отлегло от сердца. Она решила, что сделает несколько снимков и уйдёт подобиру-поздорову.

На Спасской башне заиграли колокола, и с прилегающих улиц донесся мощный гул человеческих голосов:

– Ура-а-а-а! Ура-а-а-а!

Под звуки «Интернационала» на площадь потекли первые колонны демонстрантов.

На столбах надрывались репродукторы:

– В великий праздник, равного которому не было во всей истории человечества, наша первая мысль о Ленине – вожде победоносных пролетарских колонн, бесстрашно пошедших на штурм капиталистических твердынь!

Шли кавказские джигиты, броневики, вооружённые рабочие, Красный Крест, пионеры... Флагов было столько, что Красная площадь действительно становилась красной.

«Слава механизации!» – читала Нина надписи на транспарантах.

«Да здравствует победа пролетарской революции о всем мире!»

«Вторая автобаза, даешь знамёна Октября!»

Члены правительства улыбались, отдавали честь и снисходительно махали демонстрантам ладонями, затынутыми в кожаные перчатки.

С Мавзолеем поравнялась колонна молодых людей – по всей видимости, студентов. Они остановились, и через мгновение над их головами развернулся транспарант: «Долой Сталина!»

Оркестр смолк, и на площади повисла такая тишина, что стало слышно, как чирикают воробьи, слетевшиеся на свежие конские яблоки.

– Да здравствует Лев Троцкий! – выкрикнул звонкий мальчишеский голос. – Долой оппортунизм и раскол в партии!

– Ура-а-а! – нестройно подхватили его товарищи.

Со всех сторон к ним ринулись милиционеры.

Нина подняла камеру и сделала снимок. Иностранцы вокруг неё тоже защёлкали фотоаппаратами.

– Нельзя снимать! Прекратите! – заорал кто-то.

Перепрыгивая через две ступеньки, на трибуну взлетел Алов. Его блуждающий взгляд остановился на Нине.

– Не снимать! – рывкнул он и вырвал у неё фотокамеру.

– Вы что делаете?! – позабыв об осторожности, ахнула Нина. – Отдайте!

– Ты русская, что ли? – Алов схватил её за плечо. – Ты как здесь оказалась? Ты кто вообще такая?

Нина вырвалась и, не помня себя, побежала вниз.

– Держите её! – крикнул Алов, но милиции было не до Нины: перед Мавзолеем завязалась ожесточенная драка.

Нина целый день бесцельно бродила по городу, не зная, куда податься. Возвращаться в номер было нельзя: чекисты наверняка уже вычислили, кто она такая и где живет. В глазах ОГПУ белогвардейская дамочка, снимавшая выступление троцкистов, могла быть только шпионкой, и Нину ждал неминуемый арест.

Магду было жалко: как она будет обходиться без камеры и без переводчицы? К тому же Алов наверняка будут допрашивать её насчёт Нины. Дай бог, чтобы её саму не заподозрили в шпионаже!

Оказалось, что, пока на Красной площади проходил парад, в городе начались волнения: сторонники Льва Троцкого передрались с милицией и внедренными в праздничную толпу провокаторами. У Елоховского собора вся мостовая была залита кровью: там дружинники напали на колонну оппозиционеров и жестоко избили их.

Из столицы надо было бежать, и Нина решила, что купит билет до станции, до которой хватит денег, а там на месте разберётся, как доехать до Владивостока. Но на вокзале ей сказали, что на ближайшую пару месяцев билеты распроданы.

Нина вышла на площадь и села в первый попавшийся трамвай. Куда теперь ехать? Где ночевать? В парке на ла-

вочке? Если удастся найти угол, то скопленные деньги уйдут меньше, чем через месяц. А дальше что?

– Товарищи, за проезд передаем! – надрывался кондуктор, продираясь сквозь плотный строй пассажиров. – Билеты – восемь копеек.

Нина сунула руку в карман и похолодела – кошелёк в нём не было.

Держась за ременную петлю, кондуктор навис над Ниной.

– Ну что, за проезд платить будем?

– У меня кошелёк украли...

Он грубо схватил её за воротник.

– Тогда слазь с трамвая! А то ишь, барыня выискалась: как в парче-бархате ходить – она первая, а как за билет платить – так у ней копейки не допросишься!

– Да она, чай, с любовником поссорилась, – усмехнулся стоявший рядом голубоглазый красноармеец. – Она ему не дала, а он ей тоже не дал... в смысле, денег.

Пассажиры засмеялись.

Нина протолкалась к выходу и, когда трамвай замедлил ход, прыгнула с подножки в грязь.

Уже стемнело. Где-то в глухих дворах выли собаки; уличные фонари не горели, и только в распахнутых дверях маленькой церкви видны были жёлтые огоньки свечей.

«Ну вот и приехала: никаких мне Владивостоков, никакого Китая, – в тоске подумала Нина. – Завтра с голодухи продам шубу, а потом утоплюсь в Москва-реке».

Она постояла, посмотрела кругом блуждающим взглядом и направилась к храму. Может, оттуда не выгонят?

Внутри никого не было – только причетник в мягких валенках ходил от лампы к лампе и подливал в них масло.

– Бессовестный ты человек! – вдруг рассердился он на кого-то. – Входя в храм, шапку снимать надо!

Нина оглянулась и увидела давешнего голубоглазого красноармейца.

– А я баба, – осклабился тот и распахнул полы шинели. – Хошь проверить?

Причетник попятился.

– Господи помилуй... Ну у тебя и рожа!

Лицо у бабы-красноармейца действительно было такое, что в ней трудно было узнать женщину: бровей нет, горло провисло, передний зуб наполовину сломан. Наверняка она пила, и много.

Нина подошла к иконе Николая Угодника – покровителя тех, кто попал в беду.

– Помоги мне, грешной и унылой, в настоящем сем жизни...

Пока Нина молилась, голубоглазая баба стояла у неё за спиной и в упор разглядывала её.

– Тебя как звать? – наконец спросила она.

– Нина.

– Правда, что ль? А меня тоже! Только я это имечко не люблю – меня все Шило зовут.

Она погладила золотистого дракона на Нининой спине.

– Шубка у тебя знатная. Любовник подарил?

Нина покачала головой:

– Сама сшила.

– Так ты из рабочих? А любовник у тебя не из Мосторга?

Я знала одного директора аптеки, так он своим бабам чего только не дарил: и презервативы, и клизмы... Очень душевный был товарищ; правда, его потом расстреляли за хищения.

– У меня нет любовника, – сказала Нина.

– А кто есть? Муж, что ли? – Шило округлила глаза и понимающе закивала. – Так его арестовали, да? С конфискацией имущества? Милиция сейчас как с цепи сорвалась: всех спекулянтов хватает без разбору. Статья сто седьмая Уголовного кодекса.

Нина не стала спорить – баба явно была сумасшедшей.

– Слушай, продай мне свою шубку, а? – попросила Шило. – Уж очень она мне нравится.

– Мне больше не в чем ходить.

– Ну давай меняться! Я тебе пальтишко добуду и ещё деньгами заплачу.

– Гражданочки, мне церковь закрывать надо, – подал голос причетник.

Шило схватила Нину за руку:

– Пойдем сейчас ко мне, я всё устрою!

– Куда?

– Переночуешь у меня. Тебе ж всё равно некуда идти.

Нина в изумлении оглянулась на икону – Святитель Николай и вправду сотворил чудо.

Шило привела Нину к старинному монастырю, выстроенному посреди города. Над окованными железом воротами покачивался фонарь, и слабый огонек время от времени выхватывал из темноты надпись на вывеске: «...трудовой дом имени...»

От голода и усталости в Нине перегорели все чувства, даже страх. Ей было всё равно, куда ведёт её Шило, – хоть в монастырь, хоть в ночлежку.

Шило тихонько постучала в боковую калитку:

– Захарка, отпирай!

В зарешеченном окошке мелькнула чья-то голова.

– Шило, ты?

– Ну!

– А это кто с тобой?

– Швея. Фёдор Степаныч просил найти.

Лязгнули запоры, и калитка распахнулась.

– Заходите.

Под низкой каменной аркой была устроена караулка, едва освещённая керосиновой лампой.

Привратник, молодой крепкий солдат, недоверчиво посмотрел на Нину.

– Документ покажь!

– Нет у неё, – отозвалась Шило и, выудив из кармана Ни-

нин кошелёк, отсчитала привратнику пару рублей.

«Так это она меня обокрала!» – догадалась Нина.

Закричать? Потребовать деньги назад? Но ведь Шило не отдаст их, да ещё и выгонит Нину на улицу.

– Ну, что стоишь? Пойдем! – скомандовала та.

Они вышли на тёмный двор.

– Если увидишь череп – не пугайся, – сказала Шило, ступая на доску, брошенную через лужу. – Тут раньше старинное боярское кладбище было, и наши девоньки его маленько разворошили. Бывало, достанут мертвеца, а на нём столько золота – хоть ювелирную торговлю открывай. Фёдор Степаных праздник тогда устраивал, всем водки приносил и закусок разных... По два-три дня пировали без продыху. Но хороших могил уже не осталось – только черепа и кости валяются. Фёдор Степаных велит их закапывать, а они опять откуда-то появляются. Тошно им, видать, в общей яме валяться, вот они из-под земли и лезут.

– Кто такой Фёдор Степаных? – спросила Нина.

Шило рассмеялась.

– Начальник нашего исправительно-трудового дома, тюрьмы то есть. Я тут уже две недели сижу; хорошее место.

– Сидишь? – изумилась Нина. – Ты что, заключённая?

– Ага. Если сажают без строгой изоляции и «принимая во внимание низкий культурный уровень и тяжёлое материальное положение» – так вообще красота. Фёдор Степаных нас на заработки отпускает, а мы с ним за это делимся.

– И никто не убегает?

– Что мы, дуры, что ли? На воле поди-ка, найди отдельную комнату и бесплатную жратву! Нас даже в баню по пятницам водят, а пионеры нам шефские концерты устраивают, чтоб мы побыстрее перевоспитались.

Нина не удержалась от нервного смешка. Ну что ж, пусть будет исправительно-трудовой дом. По крайней мере, Алов вряд ли её тут отыщет.

Шило поднялась на крыльцо низкого одноэтажного дома и открыла скрипучую дверь:

– Заходите, будьте как дома!

В тёмной комнате пахло воском и пылью. Шило запалила огарок, и Нина огляделась кругом. Зарешеченное окно, печка-буржуйка, связка дров и накрытый одеялом топчан – вот и всё убранство.

– Здесь хорошее место, намоленное, – сказала Шило, раскладывая шинель на полу перед печкой. – Ко мне сюда часто ангелы прилетают. Сядем мы с ними под окошко, закурим по папироске – и грехов моих как ни бывало. Святое присутствие для них – лучше, чем пятновыводитель «Мечта».

– Ты все-таки отдай мне деньги, – попросила Нина. – У меня больше ни копейки не осталось.

– Тогда шуба моя. Идёт? – Шило кинула Нине её кошелёк. – А насчёт пальто не беспокойся, я тебе новое принесу. – Украдёшь?

Шило не ответила и достала из-под тюфяка краюху хлеба

и помятую охотничью фляжку.

– Хлеб – тебе, а это – мне. – Она глотнула из горлышка, и по комнате потек тяжёлый запах самогона. – Все-таки ты мне очень понравилась. Даже не из-за шубы, а так...

– Что же во мне такого? – спросила Нина.

– А ты на меня похожа. Ну, до того, как меня из окна выкинули.

Нина сидела на топчане, жевала хлеб и уже ничему не удивлялась.

Утром их разбудил громкий мужской голос:

– Это кто ещё такая?

Нина испуганно села на расстеленной на полу шинели. Перед ней стоял маленький седой китаец в накинута на плечи тулупе.

– Здравсьте, Фёдор Степаныч! – бодро сказала Шило. – Я тебе портниху привела. Глянь, какие она одежды шить умеет!

Тот придиричиво осмотрел бархатную шубу.

– Тебя кто учил шить? – спросил он у Нины.

– У меня родители были портными.

– Слышь, начальник, возьми её на службу! – предложила Шило. – Она может прямо тут и пожить – ей всё равно идти некуда: ейного мужа вчера арестовали за спекуляцию.

Фёдор Степаныч задумчиво поскреб подбородок.

– Надо дать ей задание на пробу, – сказал он и повернулся к Нине. – Если справишься, мы тебя оформим как руководительницу курсов кройки и шитья. Пойдем!

Нина не могла поверить в свою удачу: если ей разрешат остаться в исправдоме да ещё будут платить за работу, она сможет накопить на железнодорожный билет до Владивостока.

Шило дала ей одеяло, чтобы она не замерзла, и, завернув-

шись в него, Нина пошла вслед за Фёдором Степанычем.

Днём монастырь выглядел совсем не зловеще: кирпичные стены, рябые от слезшей побелки, голые кусты, лужи – но кругом чистота, а на дорожках следы от метлы. Черепов нигде не было видно.

Перед древним собором стояли выстроенные в ряд женщины и по команде поднимали руки.

– Тянемся вверх! Делаем выдох! – кричала в рупор надзирательница.

Арестантки дружно выдыхали облачка пара.

– Это я утреннюю гимнастику ввел, чтобы они физически развивались, – пояснил Фёдор Степаныч. – Все наши бабы – жертвы капитализма: кто воровка, кто проститутка. Я их трудом перевоспитаю – у меня без дела никто не сидит.

Он рассказывал о своём исправдоме, как хозяин об усадьбе времен крепостничества. У Фёдора Степаныча имелось двести душ заключённых: кто-то крутился по хозяйству, кого-то он брал в услужение, а большинство было пристроено к изготовлению погребальных венков и портянок для Красной армии.

Фёдор Степаныч ничуть не скрывал того, что отпускает наиболее искусных воровок на промысел.

– Они только у нэпманов крадут, а им всё равно скоро крышка.

Нина уже знала, что нэпманами в СССР называют коммерсантов, которым с 1921 года разрешили заниматься про-

изводством и торговлей. Нэп, новая экономическая политика, должна была восстановить хозяйство страны до довоенного уровня, а потом всех нэпманов следовало ликвидировать как класс и приступить к строительству социализма – то есть общества, в котором все средства производства будут принадлежать государству, а частное предпринимательство будет запрещено законом.

Фёдор Степаныч привел Нину в монастырскую ризницу, находившуюся в пристройке рядом с храмом. В холодной, пропахшей мышами комнате стояли стол, швейная машинка и потемневшие от времени сундуки, на которые были навалены горы церковных облачений.

– Вот твое рабочее место! – сказал Фёдор Степаныч и сунул Нине фиолетовую мантию. – Из этого надо пару юбок сделать. Думаю, материи хватит.

Нина в недоумении перевела на него взгляд.

– Но ведь это кощунство...

– Попам это барахло больше не понадобится, – махнул рукой Фёдор Степаныч. – Их давно уже на Соловки отправили, чтобы они побыстрее до Царствия Небесного добрались.

Он начал выкладывать на стол рясы, фелони и стихари.

– Бархат пустим на юбки, парчу – на пояса и воротнички, а из зимних ряс будем кроить пальто для трудящегося элемента. Спать можешь прямо тут, на сундуках. Я тебе буду давать пару поленьев на день, чтобы ты тут с холоду не околела.

Глава 4. Клад барона Бремера

1

Нина отлично справилась с пробным заданием, но Фёдор Степаныч сказал, что жалования ей не полагается:

– Ты и так за казённый счёт у печки греешься и в столовке ешь. Чего тебе ещё надо?

Нина поняла, что попала в ловушку. Завернули такие холода, что без верхней одежды нельзя было и носу высунуть на улицу, а Шило так ничего ей и не принесла. Нина не могла даже сходить на рынок и купить себе что-нибудь тёплое.

– Вы посадили меня в тюрьму без суда и следствия! – возмущалась она, но Фёдор Степаныч лишь посмеивался:

– Иди на все четыре стороны! Кто тебя держит?

Он был несказанно рад, что у него появилась дармовая швея, умеющая работать с дорогими тканями. Нинина продукция шла проституткам, работавшим в Петровском пассаже, и приносила Фёдору Степанычу немалый доход.

Он зорко следил за тем, чтобы Нина не прибрала к рукам обрезки материи, и самолично заглядывал к ней, чтобы пересчитать лоскуты. Если у него было хорошее настроение, он подолгу засиживался в ризнице и вспоминал молодость.

По его словам, до революции он жил в Хабаровске и был

«ходей» – так называли китайцев, которые ходили от дома к дому и предлагали мелочный товар на продажу.

Как ему хотелось перебраться в Канаду! Тамошнему Обществу железных дорог требовалось население для обслуживания путей в глухих лесах, и на семейство с двумя взрослыми мужчинами давали электрическую пилу и беспроцентный кредит на двадцать пять лет. Но оказалось, что китайцев Канада не принимала – ей требовались только белые люди, – и, смертельно обиравшись, Фёдор Степаныч вступил в партию большевиков и принялся бороться с империализмом – в качестве начальника женских тюрем.

Шило тоже заглядывала к Нине и, если была пьяной, заводила старую песню.

– Мы с тобой прям как сестры, только я познатнее буду, – говорила она, усаживаясь боком на стол для кройки. – Наше семейство произошло из Прибалтики. Слышала про баронов Бремеров? Ну так это мы и есть!

Шило в деталях описывала своё поместье, балы и родственников, которые служили чуть ли не при дворе императора, но из её рассказов достоверным выглядело только одно: во время революции её изнасиловали и выкинули из окна солдаты, после чего Шило тронулась умом.

– У нас был особняк в Петровском переулке – красивый, ну прям дворец! – возбужденно говорила она. – Мама велела вырезать на дубовых панелях портреты всех детей – меня и братьев, – как будто мы ангелочки. И эти панели повесили

у нас в столовой.

– И куда делись твои братья? – спросила Нина.

– Их расстреляли в восемнадцатом году. Мать тут же умерла от сердечного приступа, а папаша пережил и революцию, и войну. Он всё это время ботинки чистил на Первомайской – как раз напротив нашего доходного дома. Да только этим летом его ломовик задавил.

Нина только вздыхала: у всех были потери, у всех кого-то убили – если не большевики, так белые.

– У меня ведь когда-то жених был, военный атташе из Франции, – продолжила Шило и вдруг перешла на французский – правильный, почти без акцента.

Она рассказала остолбеневшей Нине историю своей любви: как она познакомилась с Жаном Кристофом на скачках и как потом переписывалась с ним.

Нина вглядывалась в её испитую рожу. Может, Шило и вправду была баронессой? В Москве было сколько угодно бывших полковников, служивших швейцарами, и бывших княжон, работавших уборщицами. Каждый выживал как мог и менялся не только внешне, но и внутренне.

Впрочем, Шило с её неумейной фантазией могло привидеться всё что угодно – и дворянское прошлое, и ангелы в буденовках, и самовар, поющий «Интернационал».

– А ещё я, знаешь, что помню? – задумчиво произнесла Шило. – У меня в библиотеке под подоконником были спрятаны леденцы. Мой брат Мишка вечно их отбирал, а я – вот

ведь какая умная! – тайник сделала. Там дощечка одна сдвигалась, и можно было кое-что спрятать.

Шило схватила карандаш и обрывок старой выкройки и начала рисовать план:

– Вот Петровский переулок, а это наш дом. Здесь ворота, здесь двор... Входишь, поднимаешься по лестнице...

Рассказ был до того подробным, что Нина не знала, что и думать.

– Я тебе докажу! – суежилась Шило. – У меня все документы есть! После революции папаша зарыл их во дворе – там целый клад был. Если ты его откопаешь, то сама увидишь.

Не далее как вчера Нина делала выкройку из газеты, в которой была напечатана статья о кладах, спрятанных «буржуями» на чёрный день. Рабочие, делавшие ремонт в бывших барских домах, то и дело находили коллекции фарфора, старинные вышивки, золотые монеты и фамильное серебро. Всё это передавалось государству, а нашедшие получали грамоты и ценные призы.

– Ты не помнишь, что именно закопал твой отец? – осторожно спросила Нина.

Шило пожала плечами.

– Альбом с фотографиями точно имелся. Там есть одна карточка – мне на ней семнадцать лет. Я на ней точь-в-точь как ты!

Шило засмеялась и обняла Нину.

– Я ведь как пригляделась к тебе в трамвае, так и обомле-

ла: во, думаю, как на меня похожа!

– погоди! – отстранилась от неё Нина. – Ты знаешь, где зарыт клад?

– А то! – восторженно заорала Шило. – Как войдешь во двор, отсчитывай пятый кирпич на стене справа. Там будет выбоина: это Мишка бросал подковы и кусок кладки отбил. Копать надо под ней, прямо у стены. Только я туда не пойду – там черти водятся.

– Какие черти?

– Те, что меня из окна выкинули.

– Так это десять лет назад было!

– Не пойду! Ты, если хочешь, сама иди, я тебя провожу до места.

– У меня верхней одежды нет.

– Я тебе дам твою шубку поносить. Слушай, если ты наш альбом с фотокарточками добудешь, я тебя вовек не забуду. Вот ей-богу, что хочешь для тебя сделаю! Мне бы хоть одним глазком на моих посмотреть!

В ту ночь Нина не могла уснуть. А вдруг это её шанс на спасение? Если клад действительно существует, возможно, в нём сохранились какие-нибудь ценности: их можно будет продать и на вырученные деньги вернуться в Шанхай, а потом вернуть Шило долги.

Но кто знает, что сейчас происходит в бывшем особняке Бремеров? Может, там устроили отделение милиции или ещё что похуже?

Шило сходила на разведку в Петровский переулок.

– В наш дом въехала какая-то контора, – сказала она Нине. – Правда, вывески никакой нет; ни собак, ни дворника не держат, зато в каретнике имеется автомобиль.

Вечером она принесла Нине китайскую шубку и короткую саперную лопатку.

– Глянь, что я у наших гробокопательниц раздобыла! У них сейчас плохо идут дела: они ходят на городские кладбища, но там одних голодранцев хоронят – у них даже золотых зубов нет. Давеча наши бабы специально на похороны к одному комиссару пошли: удостоверились, что он в гробу в сапогах лежит, вскрыли могилу – а сапогов-то и нету! Кто-то уже прибрал.

Нина не представляла, как она полезет в чужой двор: ведь это грех! Но после переделки церковных облачений ей уже нечего было терять: с таким послужным списком всё равно в рай не попадешь.

– А если меня поймают? – заранее ужасалась она.

– Подумаешь! – фыркала Шило. – Милиционеры решат, что ты воровка, и вернут тебя в наш исправдом. А ты и так тут сидишь.

В случае успеха Нина решила не возвращаться к Фёдору Степанычу и перед выходом переоделась в платье, переши-

тое из тёмно-серой рясы и украшенное бархатными бордовыми вставками. Смешно: она отправлялась копать клад в наряде, больше подходившем для вечеринок с коктейлями, но ей было жалко оставлять такую прелесть проституткам. Это было её лучшее швейное творение.

С наступлением темноты Нина и Шило отправились в Петровский переулок. Начался снегопад; кругом не было ни души, а в окнах – ни огонька: на счастье кладоискателей, во всем квартале отключили свет.

– Вот он, мой дом! – сказала Шило, показывая на недавно отремонтированный особняк напротив театра Корша. – Видишь окно во втором этаже? Это моя спальня. Интересно, кто её нынче занял? Все-таки хорошо, что сюда подселили учреждение! Квартиранты бы мигом всё испоганили.

Нина согласно кивнула. Пролетарии, набившиеся в барские особняки, переделывали их под собственные вкусы, нимало не заботясь об архитектуре, и в Москве сплошь и рядом встречались дома с изуродованными фасадами: окна закладывали кирпичом, балконы разламывали, а в форточки выводили трубы от печек-буржук.

Шило потянула Нину за рукав.

– Пойдем, я покажу тебе, где лучше всего перелезть через ограду. Там, с другой стороны забора, стоит поленница – по ней можно забраться наверх, а оттуда спрыгнуть во двор.

Нина в сомнении посмотрела на неё.

– Может, все-таки вместе пойдем?

– Ну что ты опять начинаешь?! – надулась Шило. – Я ж тебе объясняла!

– А если я ничего не найду?

– Найдёшь.

– А если меня застукают?

– В рыло лопатой дашь, и вся недолга!

«Боже, что я тут делаю?» – подумала Нина.

Шило помогла ей взобраться на заснеженную поленницу.

– Ну, Никола Угодник, не выдавай! – сказала она, перекрестив Нину. – Как выкопаешь клад, позови меня, и я тебя вытащу.

Нина чувствовала себя Аладдином, которого злой волшебник отправил в пещеру чудес за лампой.

Она спрыгнула в сугроб, а следом через забор перелетела саперная лопатка.

Двор оказался на удивление маленьким, снег не был расчищен, и только у каретного сарая темнели полосы от автомобилейных шин.

Обмирая, Нина пошла вдоль каменной стены и, добравшись до ворот, принялась искать кирпич со сколом. Снег пошел гуще, и она почти ничего не видела перед собой.

«Ладно хоть следы заметет», – думала Нина, торопливо ощупывая кладку.

Наконец она нашла глубокую выбоину и принялась расчищать снег под забором. Земля ещё не успела как следует промерзнуть, но саперная лопатка всё время натыкалась на

какие-то корни. Нина рубила их, и её удары были слышны, наверное, за версту.

Раздался металлический скрежет, и лопатка скользнула по чему-то плоскому. Отбросив её, Нина разгребла землю руками. Её колотило от возбуждения и суеверного страха: ей казалось, что сейчас она найдёт не клад, а гроб.

Поднатужившись, она вытащила из ямы большую металлическую коробку, шероховатую от ржавчины. Неужели всё получилось? Ох, рано радоваться – надо уходить, пока не поздно!

Нина поднялась, стряхнула с подола грязь и замерла от ужаса: рядом с ней стоял здоровый бритоголовый тип в пальто нараспашку.

– Тебе помочь? – с усмешкой спросил он.

Позабыв о коробке, Нина бросилась к забору.

– Вытаскивай меня!

Но Шило не отзывалась.

Нина метнулась к запертым воротам, потом снова к забору. Страшный бритоголовый человек вышел из снежного марева и, схватив Нину за руку, молча поволок её к дому. Она закричала, но он встряхнул её, как куклу:

– А ну не орать!

В тёмной прихожей их встретили двое: молодой человек, одетый в шёлковый халат, и полная чернокожая горничная с керосиновой лампой в трясущихся руках.

– Оскар, вызывайте милицию! – рывкнул бритоголовый. –

Я воровку поймал!

Взяв у горничной лампу, молодой человек принялся разглядывать Нину, словно диковинную зверушку. Её перепачканная в земле шуба явно произвела на него впечатление.

– Что вам здесь надо? – спросил он с сильным американским акцентом.

Нина немного пришла в себя. Оскар выглядел как приличный человек: у него было холеное белокожее лицо, близко посаженные светло-карие глаза и модные тонкие усики.

– Я ничего не хотела украсть, – произнесла Нина по-английски. – Мне нужны были только документы.

– Какие ещё документы? – рявкнул бритоголовый. Он явно знал английский язык, но предпочитал изъясняться по-русски.

– Там, в снегу, осталась коробка...

– Ефим, принеси её, – приказал Оскар.

– Так эта девка сбежит!

– Не сбежит, мы с Терисой её покараулим.

Когда Ефим вышел, Нина огляделась кругом. Она оказалась не в учреждении, а в богатом частном доме. Полы в прихожей были паркетными, в резной стойке у двери красовалась целая коллекция дорогих тростей, а под потолком поблескивала хрустальная люстра.

Нина перевела взгляд на Оскара.

«Кто он такой? Живет посреди Москвы, как барин, и даже имеет чёрную прислугу...»

Вернувшись, Ефим поставил на подзеркальный столик ржавую коробку и принялся доставать оттуда пожелтевшие конверты с письмами и бумагами. Ни денег, ни драгоценностей там не было.

Оскар взял в руки обитый кожей фотоальбом.

– «Собственность баронессы Н. А. Бремер», – прочел он надпись на обложке.

На первой странице была помещена фотография девушки в нарядном платье и кокетливой шляпке, надвинутой на одну бровь.

– Ой, это же она! – воскликнула Териса, показывая на Нину.

На карточке, без сомнения, была изображена юная Шило, но в то же время в ней явно угадывалось сходство с Ниной. Они действительно были похожи, как сестры.

– Так значит, вы баронесса? – проговорил Оскар, с любопытством глядя на Нину. – Ну что ж, приятно познакомиться! Отужинаете со мной?

Она ожидала чего угодно – скандала, криков и милицеских протоколов, – но никак не приглашения на ужин.

– Спасибо... с удовольствием, – с запинкой произнесла она.

– Териса, подайте ещё один прибор, – велел Оскар.

– Хорошо, мистер Рейх.

«Пусть они принимают меня за кого хотят, – решила Нина. – Лишь бы не вызвали милицию».

Нина шла вслед за Оскаром по анфиладе комнат и не верила своим глазам: посреди краснознаменной Москвы существовал настоящий остров капитализма! Каждый стул, каждая ваза в этом доме были произведениями искусства.

Кем работал Оскар Рейх? Иностранным дипломатом? Почему советское правительство позволяло ему жить в такой умопомрачительной роскоши? Нине очень хотелось расспросить его обо всем, но она держала язык за зубами. Кажется, этот человек мог ей помочь; главное было не спугнуть его.

Проходя мимо большого зеркала, Нина втайне порадовалась, что догадалась надеть красивое платье. Было бы жутко неудобно садиться с Оскаром за стол в заштопанной юбке и вылинявшей кофте.

Териса разлила суп по тарелкам. Нина попробовала ложечку: о господи, настоящий новоанглийский клэм чаудер! Хрустящие тонкие сухарики, свежая зелень... Ради такого удовольствия стоило немного поиграть в самозванку! Как ни крути, но громкий титул Шило обеспечивал кое-какие привилегии.

Нина показала Оскару на деревянные панели под потолком.

– Видите ангелочков? Это я и мои братья. Мама приказала

вырезать наши портреты из дерева: это Миша, а там – Илья и Антон. – Нина называла ангелочков наугад: кто ж знает, кто из них кто?

Оскар смотрел на неё со смешанным чувством удивления и недоверия.

– Где вы жили всё это время?

Нина на ходу сочинила трагическую историю о том, как после революции она долго скиталась по стране и в конце концов решила уехать за границу.

– Меня здесь ничего не ждет, – горестно произнесла она. – Мне нужны деньги и документы, и поэтому я выкопала мою коробку.

– Да, я понимаю, – кивнул Оскар.

Вроде всё шло так, как надо.

«Я немного пококетничаю с ним, а потом попрошу у него в долг, – подумала Нина. – Что ему стоит ссудить меня деньгами? При его-то богатстве!»

После ужина Оскар велел Терисе разжечь в библиотеке камин и подать бутылку вина и пару бокалов.

Нина обрадовалась: это был хороший знак!

Войдя в библиотеку, она направилась к окну. Как и говорила Шило, снизу в подоконнике был устроен крохотный тайник, закрытый дощечкой. Нина сдвинула её и вытащила из расщелины несколько окаменевших от времени конфет в серебристой обертке.

– Угощайтесь! – сказала она, протягивая их Оскару.

Он рассмеялся.

– Ого, антикварные леденцы!

У него были неестественно белые, будто фарфоровые зубы. Сколько ж могли стоять такие коронки? Ведь они наверняка были гораздо дороже золотых!

– Выпьете со мной? – спросил Оскар, открывая бутылку. – Вину, в отличие от конфет, выдержка идёт только на пользу.

Они чокнулись и выпили за Нинино здоровье. Она совсем приободрилась и все-таки не удержалась от вопроса:

– Скажите, кто вы такой?

– Красный капиталист, – отозвался Оскар. – Когда в России был голод, я привез сюда из Америки полностью оборудованный полевой госпиталь и консервы на шестьдесят тысяч долларов. За это советское правительство предоставило

мне концессию, и теперь у меня своя карандашная фабрика на Дорогомиловской заставе.

Нина уже ничего не понимала. Основой основ большевистской политики была борьба с капитализмом. Как же они разрешили американцу владеть фабрикой в Москве?

Видя Нинино замешательство, Оскар рассмеялся.

– Большевики хотят построить общество нового типа, но у них нет технических специалистов, потому что все они либо разбежались, либо погибли во время войны. Восемьдесят пять процентов населения СССР живет в деревне, и половина из них не умеет читать и писать. Так что первым делом стране нужны карандаши и перья, чтобы бороться с неграмотностью. Вот для меня и сделали исключение.

– И вы не боитесь, что однажды у вас отберут фабрику? – удивилась Нина.

– Не надо путать политику и пропаганду, предназначенную для простого народа. Вы, наверное, заметили, что большевистская пресса в основном нападает на англичан, французов, поляков и китайцев, а Соединенные Штаты, напротив, ставятся в пример – как образец модернизации и деловой хватки. В Кремле сидят отнюдь не идиоты, и там прекрасно понимают, что для восстановления промышленности им потребуются тесные контакты с США. Европа до сих пор не оправилась от мировой войны, и технологии и долгосрочные кредиты можно добыть только в Америке. Успех моей фирмы – это залог того, что в один прекрасный день Вашингтон

признает СССР и создаст здесь своё посольство. А как только это случится, сюда потекут иностранные инвестиции.

– Кажется, вы гений дипломатии, – в восхищении произнесла Нина.

Оскар пожал плечами.

– Просто у меня есть чутьё в бизнесе. Я заработал первый миллион, когда мне было девятнадцать лет.

Они сидели на диване и разговаривали. Нина совсем разнежилась – то ли от тепла и уюта, то ли от прекрасного итальянского вина. Все-таки одно из главных удовольствий в жизни – это беседы с умным человеком, который к тому же смотрит на тебя с явным интересом.

Думать о будущем, даже самом ближайшем, совершенно не хотелось, но тем не менее Нина поглядывала на часы на каминной полке: уже было глубоко за полночь. Хорошо бы Оскар разрешил ей переночевать в его доме! Ведь не выгонит же он её на улицу? Нина несколько раз аккуратно намекнула ему, что ей некуда идти.

Допив вино, Оскар поставил бокал на пол и, ни слова не говоря, повалил Нину на диван.

Она сдавленно ахнула:

– Вы что делаете?!

Но он зажал ей рот ладонью и принялся торопливо расстегивать штаны.

Не выпуская сигареты изо рта, Ефим ударил кием по шару, и тот с грохотом улетел в дальнюю лузу.

– Вы когда-нибудь сифилис подхватите, – мрачно произнес он, когда Оскар вошел, насвистывая, в бильярдную.

Тот лишь отмахнулся.

– Да ладно! Хорошая дамочка попалась, чистенькая. Только слишком стеснительная.

Ефим поставил кий на место.

– Я хотел кое-что показать вам.

Он принес большой серый конверт из шкатулки барона Бремера и вывалил его содержимое на зелёное сукно. Это были акции немецких и шведских предприятий, а также заверенное нотариусом завещание, согласно которому всё имущество старого барона переходило его детям.

Оскар перевел изумлённый взгляд на Ефима.

– Ты думаешь, это подлинные бумаги? Наша баронесса оказалась миллионершей?

– Очень может быть.

Оскар поскреб в затылке.

– Это наследство невозможно получить, будучи в СССР.

– А вы подумайте, как это сделать, – отозвался Ефим. – Лишние деньги нам явно не помешают.

Оскар всем говорил, что дела на его фабрике идут пре-

красно, но на самом деле земля горела под его ногами. Согласно изначальному плану, он должен был стать образцовым концессионером и привести в СССР иностранных инвесторов, но из этой затеи ничего не вышло – и в первую очередь потому, что у большевиков правая рука не знала, что делает левая. Одни их ведомства давали гарантии частному капиталу, а другие грозились уничтожить всех капиталистов на земле. Кто ж к ним придёт на таких условиях?

Но самое ужасное заключалось в том, что большевики постоянно меняли правила игры в угоду себе. Когда Оскар приехал в Россию, ему пообещали, что он сможет переводить советские деньги в доллары по государственному, сильно заниженному курсу и свободно перечислять прибыль на заграничные счета. Но в стране начался валютный кризис, и теперь Госбанк делал всё, чтобы Оскар не мог вывести и цента.

Кроме того, его постоянно терзали всевозможные комиссии – то по линии профсоюзов, то из милиции, то из Главного концессионного комитета. Все они делали вид, что заботятся о положении рабочих, но на самом деле вымогали взятки.

Чем хуже шли дела в экономике, тем чаще на карандашную фабрику наведывались серьёзные молодые люди с красными повязками на рукавах.

– Почему на вашем предприятии не выполняется директива ЦК о партийной работе? С какой стати у вас заработная плата выше на восемьдесят процентов, чем в среднем по

Москве? Почему вы увольняете общественников из фабричного комитета?

— Да потому что они ни черта не делают и только мешаются под ногами! — злился Оскар.

Проверяльщики переглядывались и записывали в свои книжечки: «Не даёт трудящимся бороться за свои права».

Большевистское начальство на словах поддерживало Оскара, но ничего не могло поделать с нахальными выскочками, которые пытались сделать карьеру на бдительности. Во всех газетах писали, что коммунисты должны бороться с капиталом — вот они и боролись. Откуда ж им было знать про тайные планы государства насчёт сотрудничества с Америкой?

Ефим первым заговорил о том, что из СССР надо уходить, и как можно скорее. Он никогда не питал особых иллюзий по поводу большевиков: до революции он был владельцем шикарных бань с номерами и прошел через все круги национализации: у него отобрали счета и недвижимость и в конце концов выселили из дома. Если бы мистер Рейх не взял его в помощники, Ефим давно бы спился.

Оскар и сам понимал, что пора сворачивать бизнес, но он вложил в фабрику все, что у него было, и её невозможно было продать. Он чувствовал себя глупым мальчишкой, которого сто раз предупреждали: «Не играй с огнём — обожжешься!» Оскар никому не верил — ведь он же был гением! И вот гений доигрался...

Ценные бумаги баронессы Бремер действительно могли выручить Оскара, тем более что их было несложно прибрать к рукам: ведь Нина даже не подозревала, насколько она богата.

Он вспомнил, как она смотрела на него, когда они сидели в библиотеке: через неделю ухаживаний, цветов и конфет эта дамочка по уши влюбилась бы в него и отдалась бы ему с потрохами. Но Оскар всё испортил, приняв её за обычную лишенку, с которой не стоило церемониться.

Лишенцами в СССР называли бывших дворян, священнослужителей и прочих «классово чуждый элемент», лишенный избирательных прав. Они не могли ни устроиться на работу, ни получить кредит, и, чтобы хоть как-то прокормиться, молодые и красивые дамочки часто соглашались на роль содержанок, а то и проституток, и Оскар вовсю пользовался этим. В глубине души он вел свою собственную классовую борьбу: он был евреем, и при других обстоятельствах князь и бароны не пустили бы его на кухонный порог, а теперь он тискал их дочек, и они почитали это за счастье.

Но, кажется, на этот раз Оскар совершил непростительную ошибку.

Он чуть ли не бегом побежал назад в библиотеку: надо было поговорить с Ниной, извиниться и убедить её, что он не сумел совладать с приступом любовной страсти.

Глава 5. Немецкий журналист

1

«Что могло произойти с Ниной? – в страхе гадала Магда. – её ограбили и убили?»

Скорее всего, так и случилось: фотокамера и шуба стоили немалых денег, а преступность в Москве была чудовищной.

Идти в милицию Магда не решилась: кто знает этих борцов с капиталистами и белыми эмигрантами – вдруг они примутся не за бандитов, а за их жертв? В стране, где царил диктатура пролетариата, «классовые враги» не могли рассчитывать на государство.

Единственным, кто мог помочь Магде, был Фридрих – все-таки у него были кое-какие связи. Но после поступления на новую службу он по три дня пропадал за границей, отсыпался и снова отправлялся в полет.

– Я могу переехать в Германию, и мы будем видеться там, – предложила ему Магда. – Хотите?

Фридрих ничего не хотел. Ему с большим трудом удалось вывернуться из китайской заварушки, и он не собирался компрометировать себя свиданиями с англичанкой.

Вдобавок ко всем проблемам у Магды кончалась виза. Она долго приставала ко всем знакомым: «Помогите мне

найти работу в Москве!», и наконец немецкий журналист Генрих Зайберт сказал, что у него есть хорошая новость:

– В четверг у меня дома будет Эдвард Оуэн, вице-президент американского новостного агентства «Юнайтед Пресс». Его московский корреспондент сломал ногу и уехал за границу лечиться, так что Оуэн ищет ему замену.

Магда страшно разволновалась: мистер Оуэн был живым классиком журналистики! Поговаривали, что в его лондонской штаб-квартире все стены увешаны фотографиями, где он запечатлен с королями, президентами и маршалами. Ему платили бешеные деньги, и он действительно стоил того: под его руководством европейское отделение «Юнайтед Пресс» процветало.

Если бы Магде удалось стать московским корреспондентом, ей бы не только продлили визу, но и позволили съехать из ненавистного «Метрополя» на частную квартиру. Более того, она превратилась бы из буржуйки в трудящуюся, и Фридриху не было бы нужды прятаться от неё.

Впервые за много лет Магда сходила в парикмахерскую, и помолилась Богу, и на всякий случай купила у соседа новый фотоаппарат фирмы «Кодак»: она хотела продемонстрировать Оуэну все свои таланты – от писательских до фотографических.

Генрих Зайберт приехал в Москву вскоре после революции и устроился как нельзя лучше: у него была прекрасная квартира в бывшем кафе «Неаполитанка», автомобиль и множество друзей. В Германии на него не посмотрела бы ни одна девушка: невысокий, широкоплечий и лобастый, он походил на стареющего сатира, – а в Москве он вызывал интерес уже потому, что был иностранцем и обладателем неисчислимых сокровищ, недоступных простым смертным: наручных часов, порошкового шампуня, очков от солнца и тому подобного.

В тот вечер Зайберт сидел у окна в полупустом ресторане гостиницы «Большая Московская» (бывший «Гранд-отель»). У него был маленький личный праздник: знакомый инженер контрабандой вывез в Германию его статью о причинах экономического кризиса в Советском Союзе, и она наделала много шуму.

Большевики зорко следили, чтобы никакие материалы, «порочающие советский строй», не попадали за границу, так что подобного рода статьи приходилось публиковать под чужим именем – иначе тебя могли лишить визы. Но Зайберт всё равно был доволен: была в этом особая, щекочущая нервы прелесть – обдурить советских цензоров и назло врагам опубликовать то, что ты думаешь на самом деле.

Официант подал Зайберту холодную осетрину с хреном и графин водки во льду.

Уже смеркалось, большие окна ресторанный зала посинели, и в них отразились нарядные люстры и столики, накрытые белыми скатертями. Зайберт налил себе рюмку водки и чокнулся с собственным отражением:

– За свободу слова!

В своей статье он рассказал о том, что советским гражданам невыгодно заниматься производством чего бы то ни было, и в особенности – сельским хозяйством. Чтобы прокормить Красную армию, милицию и чиновников, правительство нарочно занижало закупочные цены на хлеб, и с каждым годом крестьяне сеяли всё меньше и меньше: какой смысл трудиться, если у тебя всё заберут за гроши? А когда Кремль распустил слухи о том, что Англия собирается напасть на СССР, перепуганные мужики попрятали всё съестное и перегнали зерно в извечную российскую валюту – самогон. В результате городские рынки и магазины опустели.

Советские граждане быстро сообразили, что самое верное дело – это работать чиновниками, которые имеют право на обслуживание в специальных кооперативных лавках, закрепленных за каждым ведомством. Все стремились устроиться на тёплое местечко, армия дармоедов росла, а правительство боролось не с пухнувшим на глазах бюрократическим аппаратом, а с оппозицией и остатками частных предпринимателей. Разумеется, в такой стране должен был на-

чаться кризис – а как же иначе?

Выглянув из окна, Зайберт увидел у подъезда гостиницы таксомотор, из которого вышел элегантный иностранец в тёмно-сером пальто и шляпе хомбург. Вслед за ним из машины выпрыгнула нарядная девочка лет четырех. Под мышкой у неё был зажат игрушечный конь.

Через несколько минут они вошли в ресторан, и Зайберт чуть не подавился куском осетрины: дочь франтоватого иностранца была китайкой! Щёки её разругались на морозе, чёрные глаза блестели, а волосы, примятые шапкой, топорщились на затылке смешными рожками. Она принесла коня с собой и усадила его за стол, в двух шагах от Зайберта.

Отцу девочки было лет тридцать пять – сорок. Стройный, холёный и загорелый, он напоминал европейского аристократа. Как он мог жениться на китайке? Ведь после этого его ни в одном приличном обществе не примут! Да и его дочку, удавшуюся в мать, ждала весьма непростая судьба – расизм в Европе и Америке никто не отменял.

– Китти, положи, пожалуйста, лошадку на пол, – произнес незнакомец по-английски, но с довольно сильным акцентом. – За стол с лошадьми не садятся.

– Садятся! – отозвалась девчонка.

– Правда? И кто это решил?

– Я! Я уже большая: я знаю, что два плюс два равно четыре!

– А два плюс три?

Китти насупилась, но тут же рассмеялась:

– Ну хорошо! Я покормлю мою лошадку в номере.

Они говорили на смеси трех языков: русского, английско-го и, вероятно, какого-то диалекта китайского.

Дождаясь заказа, незнакомец показывал Китти фокусы с куском сахара: то прятал его в кулаке, то вынимал из-за манжета или из-за уха.

Девочка заливисто хохотала:

– Ещё! Ещё!

Зайберт не выдержал:

– Извините... Мне просто любопытно: вы артист?

Незнакомец обернулся:

– Нет, журналист.

Он протянул Зайберту визитную карточку, на которой значилось: «*Klim Rogov*».

– О, так вы русский? – ещё больше удивился Зайберт.

– Только по происхождению. У меня американское гражданство, но мы с Китти живем в Шанхае. Я работаю на радиостанции, вещающей на английском языке.

– А я – в новостном агентстве «Вольффс Телеграфише Бюро», – сказал Зайберт. – Как вам Москва?

Клим неопределенно пожал плечами.

– Я пытаюсь разыскать людей, которые принимали участие в гражданской войне в Китае, но мне везде говорят, что Советский Союз никого в Китай не посылал и все, что там происходило, – это дело рук местного пролетариата.

Зайберт понимающе улыбнулся.

– А чего вы хотели? Тут вся политика – это сплошные мифы и легенды, в которые все обязаны верить. Вот и вы верьте!

– У меня не очень-то получается, – нахмурился Клим. – Моя знакомая выехала в СССР вместе с военными и политическими советниками, работавшими в Китае, и после этого они как испарились. Я уже месяц пытаюсь их найти, и всё без толку.

– Приходите ко мне, – благодушно предложил Зайберт. – Завтра в пять часов у меня будет небольшая вечеринка, и туда явится одна леди из Великобритании, Магда Томпсон. Она знакома с людьми, работавшими в Китае.

– Спасибо! Вы просто спасли нас с Китти! – Клим повернулся к дочери. – Я же говорил тебе, что всё будет хорошо!

Зайберт ощущал себя добрым волшебником, который одним щелчком пальцев может осчастливить простых смертных.

Маленькая записная книжка Клим Рогова

Вести тайный дневник – это всё равно что повесить на дверь табличку «Не входить!» и слегка приоткрыть створку. Я много раз бросал эту вредную привычку, но, увы, я принадлежу к племени графоманов, письменных людей, которые живут охотой на слова и собирательством смыслов. Отними у нас нашу добычу – и мы выйдем.

Впрочем, я обещал Фернандо детально описывать свои приключения в Советской России, так что будем считать это моим оправданием.

Этот ежедневник попался мне на глаза в киоске во Владивостоке. Я купил его и только потом разглядел, что на каждой странице в нём указаны «памятные даты» – казни революционеров, разгон демонстраций и покушения на царей. Мой дневник можно смело называть «Книгой мертвых», хотя я всё ещё надеюсь, что это будет история выживания, а не гибели.

Моя жена пропала без вести, и единственная зацепка, которая у меня есть, – это статья, опубликованная в газете «Правда»: в ней говорилось, что её «китайская группа» прибыла в Москву.

Мои шанхайские знакомые решили, что я сошел с ума, отправляясь в Россию: в глазах большевиков иностранец с русской фамилией может быть только белоэмигрантом, а белоэмигрант – это по определению враг.

Но на границе никто не обратил на это внимания: американский паспорт и приличное пальто сразу делают из тебя важную персону. Мелкие советские служащие боятся с тобой связываться: а то кто тебя знает – может, ты знаменитый инженер или учёный, которого пригласили на празднование десятилетия Октября?

Мы с Китти добирались до Москвы шестнадцать суток и чего только не насмотрелись по дороге! До Хабаровска поезд шел под конвоем красноармейцев, которые дежурили на площадках вагонов и на паровозе с тендером. Дальний Восток страдает от набегов разбойничьих шаек, и те нередко нападают на пассажирские составы – точь-в-точь как индейцы в фильмах про Дикий Запад.

Мы видели несколько ржавых поездов, лежащих под откосом ещё со времен Гражданской войны. Многие мосты были взорваны, и вместо них большевики навели временные деревянные переправы. Поезд шел по ним еле-еле, балки трещали от тяжести, а пассажиры, затаив дыхание, молились: «Только бы всё обошлось!»

Один раз мост таки обрушился сразу за нами – паровоз едва успел втянуть последний вагон на берег. Странное это было чувство: мы как будто пересекли Рубикон.

Возвращаться мне некуда: я бросил работу на радио, отдал на хранение мебель и вещи и вернул хозяевам ключи от дома. Я не знаю, сколько продлятся мои поиски и на сколько мне хватит денег: у меня никогда не было доступа к Нининым счетам, так что мы с Китти проедаем мои скромные сбережения.

Это действительно безумие – поставить на карту всё и добровольно отправиться в страну, которой наши эмигрантские мамочки пугают детей. Даже если мне удастся отыскать Нину, скорее всего, мы вновь разойдемся. Ещё до её отъезда мы оба осознали, что наша семейная жизнь не сложилась, и только подгоняли неминуемую катастрофу.

Что заставляет меня гоняться за призраком давно угасшей любви?

Я всегда восхищался Нининой энергией, чувством собственного достоинства и способностью возрождаться из пепла, но, наверное, дело не в этом. В ней присутствует особая женская прелесть, перед которой нельзя устоять. И это не только мое предвзятое мнение – я видел, как на неё смотрят другие.

Где я найду вторую такую женщину? Если бы я не поехал в Москву, я бы обрек себя либо на одиночество, либо на бесплодные поиски Нининого двойника – а мне даже думать об этом не хочется.

Наверное, я похож на пассажира «Титаника», который замерзает в ледяной воде, но продолжает считать, что его ко-

рабль не погиб – это были такие учения. Сейчас он вынырнет из глубин, все дыры на корпусе затянутся, и капитан поведёт судно по прежнему курсу.

Клим не мог дожидаться встречи с Магдой Томпсон: только бы она помогла ему!

Выйдя на улицу, он нанял извозчика и вместе с Китти сел в старенькие санки с полостью, сделанной из байкового одеяла.

– Помолись, чтобы у нас всё получилось! – шепнул он на ухо дочке. – Господь должен тебя услышать.

– Молюсь! – на всю улицу крикнула она. – Так слышно, или ещё громче надо?

Извозчик усмехнулся в заиндевелую бороду и тронул вожжи:

– Ну, пошла лошадушка с таксомотором рядышком!

Под вечер над Москвой расцвел багряный закат. Скрипя полозьями, санки неслись вперед, в лицо бил ветер, а из-под копыт гнедой лошадки вылетали комья грязного снега.

Въехав на Лубянскую площадь, извозчик повернулся к седокам и показал на многоэтажное жёлтое здание с часами на фасаде.

– Вот, гляньте, товарищ иностранец! Здесь раньше была гостиница страхового общества «Россия», а теперь помещается ОГПУ.

Алое солнце отразилось в круглом циферблате, и Клим невольно поежился: огненное око внимательно следило за

ним, всеведущее и бесстрастное.

* * *

Дорогой Китти уснула.

Извозчик остановился перед одноэтажным домиком с высокими окнами; на его стенах были нарисованы синее море, кусты роз и танцующие девы с бубнами, а с крыши частоколом свисали московские сосульки.

Взяв Китти на руки, Клим поднялся на крыльцо и постучал в дверь с надписью готическим шрифтом: «Aufgang nur für Herrschaften» – «Вход только для благородных людей».

– О, кого я вижу! – воскликнул Зайберт, распахивая дверь, и тут же перешел на шепот: – Пойдемте ко мне в спальню, положите свою дочку там.

Клим огляделся. Прихожая от пола до потолка была увешана картинами в золоченых рамах – кажется, Зайберт их коллекционировал. Гора шуб и пальто громоздилась на рогатой вешалке, на полу выстроилась флотилия галош. Из гостиной доносились взрывы хохота и музыка – там кто-то играл на рояле.

Климу было неловко: явился на чужую вечеринку, принес ребёнка, доставил незнакомым людям дополнительные хлопоты... Ну, а куда деваться?

Хозяин повел его вглубь полутёмной квартиры с высокими сводчатыми потолками и узкими извилистыми коридора-

ми. Благородные люди, попавшие в спальню Зайберта, оказывались в тесной комнате, оклеенной тёмно-синими обоями. Посредине громоздилась кровать с резной спинкой и оранжевыми подушками; на потолке поблескивало зеркало, а на комодѣ стояла фарфоровая фигурка чѣрта с огромным фаллосом.

Зайберт смущенно хихикнул и развернул его к стене.

– Это так... Баловство...

Положив Китти на кровать, Клим стянул с неё валенки, шапку и пальто.

В кухне за стеной что-то загремело – будто уронили железный поднос.

– Счастливое дитя, спит даже при таком шуме! – умилился Зайберт. – А я просыпаюсь от того, что дворник шаркает метлой по тротуару. Пойдемте к гостям, Магда скоро придѣт.

Магда опоздала на полчаса: окна в трамвае были покрыты толстым слоем инея, и она проехала свою остановку.

– Оуэн уже здесь, – сказал Зайберт, когда продрогшая до костей Магда ввалилась в его прихожую. – Вы всё подготовили?

Она шмыгнула раскисшим на морозе носом.

– Кажется, да.

Посмотревшись в зеркало, Магда оправила на себе платье – синее с розовым воротником и квадратными пуговками на рукавах. Пожалуй, стоило повесить на шею чехол с камерой – так будет сразу понятно, что она профессиональный фотограф и журналист.

– Пойдемте, я вас представлю, – позвал Зайберт, и Магда направилась вслед за ним в гостиную.

Там уже было полно народу, и все говорили разом, мешая немецкую, английскую и русскую речь. Подвыпившие французы в четыре руки колотили по клавишам рояля и пели «Валентину»; несколько пар танцевали. Табачный дым слоился в свете оранжевых ламп.

– У меня тут свой собственный Интернационал! – с гордостью сказал Зайберт. – Подумать только, совсем недавно мы воевали друг с другом, а теперь сидим посреди заснеженной Москвы, пьем грузинское вино и не держим ни на кого зла.

– Где Оуэн? – спросила Магда ослабевшим от волнения голосом.

Зайберт показал на дородного господина, стоящего в окружении гостей.

Магда подошла ближе.

– Когда я пересек границу, таможенники заставили меня декларировать шубу и галоши, – рассказывал Оуэн. – Кто-нибудь может объяснить, зачем Советы это делают?

– Так они борются с безработицей, – отозвался темноволосый господин в элегантном костюме-тройке. – Если в стране не хватает рабочих мест, их можно создать на пустом месте. Вы только представьте, сколько людей можно привлечь к учету входящих и исходящих галош!

– Кто это? – тихо спросила Магда у Зайберта.

– Его зовут Клим Рогов. Он хотел с вами поговорить.

– О чём? Я его не знаю... Хотя постойте...

Не успела она договорить, как за стеной что-то с грохотом повалилось.

– Лизхен, ты опять?... – угрожающе рявкнул Зайберт. – Это не прислуга, а наказание. Вечно у неё всё из рук падает!

Он выбежал из комнаты, и Магда вновь перевела взгляд на Клима Рогова. Она вспомнила, что так звали мужа Нины Купиной. Неужели это он?

– Власть в Советском Союзе похожа на пирамиды Гизы, – сказал Клим, обращаясь к Оуэну. – На вершине каждой из них находятся вожди, которые подбирают себе не самых та-

лантливых, а самых верных помощников – тех, кто никогда не откажется выполнить приказ. В награду за верность им даруются вотчины и право кормиться с них. У этих вассалов есть свои вассалы, рангом помельче, а у тех – свои. Благополучие каждого из них зависит от устойчивости пирамиды, и поэтому они делают всё, чтобы укрепить её. Но строительных материалов в пустыне не хватает, и они вечно воруют друг у друга кирпичи и устраивают друг под другом подкопы.

Клим описал, кто есть кто в Политбюро и кто к какому клану принадлежит.

– Откуда вы всё знаете? – изумился Оуэн.

– Профессиональная привычка интересоваться деталями.

– Вы говорите по-русски?

Клим кивнул:

– Я знаю русский, английский и испанский в совершенстве, а шанхайский диалект – на разговорном уровне.

– Можете прямо сейчас написать записку на пробу?

– Да, конечно.

Из соседней комнаты раздался детский плач, и к Климу подлетел встревоженный Зайберт.

– Там ваша девочка проснулась!

Тот побледнел.

– Я сейчас вернусь и принесу записку.

– У вас десять минут! – крикнул ему вслед Оуэн. – Я скоро уезжаю.

Зайберт взял Магду за локоть.

– Мистер Оуэн, я хотел порекомендовать вам мисс Магду Томпсон...

– Извините, но мне нужно попудрить нос, – перебила она и отступила к дверям.

Магда уже поняла, что Оуэн хочет нанять в качестве корреспондента Клима Рогова, и ей ни при каких условиях не обойти его. Незнание русского языка не могли компенсировать никакие фотографии.

Китти сидела на кровати и, запрокинув голову, вопила:
– Папа-а-а!

Клим включил ночник и взял её на руки.

– Ну что ты, малыш? Я здесь...

Обхватив его за шею, Китти силилась что-то сказать, но только всхлипывала с надрывом.

Клим посадил её к себе на колени.

– Тихо, маленькая... Тихо...

Нельзя было оставлять Китти одну! Каково это для четырёхлетнего ребёнка – проснуться в чужой тёмной комнате?

Клим достал из внутреннего кармана записную книжку и, не выпуская дочь из объятий, принялся писать заметку о валютных спекулянтах, обитавших на рынках Москвы.

По официальному курсу Госбанк давал за один американский доллар 1 рубль 94 копейки, а в Риге доллар можно было обменять на четыре рубля. Нелегальным обменом валюты пользовались как иностранцы, живущие в СССР, так и тысячи подпольных коммерсантов и контрабандистов...

– Я хочу домой! – всхлипнула Китти.

– Скоро у тебя всё будет: дом, кроватка... – шепнул Клим, целуя её в тёплый затылок. – Я что-нибудь придумаю.

– А мама?

– И маму мы найдём.

Клим даже не мечтал устроиться на работу в Москве – это было бы слишком большой удачей. Если у него будет удостоверение корреспондента, ему наверняка будет проще отыскать Нину. Ведь одно дело – задавать вопросы от имени частного лица, и совсем другое – от имени солидного новостного агентства.

Дописав статью, Клим взял Китти на руки и вышел в прихожую.

Мистер Оуэн уже одевался. Рядом Зайберт разыскивал в куче шуб пропавшие перчатки.

– Готова заметка?

Клим протянул Оуэну раскрытую записную книжку. Тот прочел текст, и его лицо просветлело.

– А вы сами сможете обменивать у спекулянтов деньги, выделенные на служебные расходы?

– Думаю, что да, – отозвался Клим.

Оуэн дал ему свою визитную карточку.

– Кажется, вы обойдётесь нам примерно в два раза дешевле, чем ваш предшественник. Позвоните мне завтра в гостиницу, и мы обсудим детали.

Оуэн перевел взгляд на Китти и, как и многие прочие, не смог удержаться от вопроса:

– Простите... а это ваша дочь?

Клим кивнул. Его раздражало всеобщее любопытство по поводу его «узкоглазого» ребёнка.

– Впрочем, ваши личные дела меня не касаются, – сказал

Оуэн и протянул Климу руку. – До встречи.

Когда дверь за ним захлопнулась, Клим повернулся к Зайберту.

– Мисс Томпсон ещё не пришла?

Тот испуганно заморгал глазами.

– Ох, вам же надо было поговорить с ней... Понимаете, Магда сама хотела устроиться в «Юнайтед Пресс», и вы только что увели у неё работу.

– Где она сейчас?!

– Не знаю... Поищите её: она такая высокая, дородная...

Не выпуская Китти из рук, Клим бросился в гостиную, потом – на кухню, потом – ещё в какие-то тёмные, заставленные мебелью комнаты. Чёрт... Чёрт! Теперь мисс Томпсон откажется с ним разговаривать!

Он нашёл её в спальне Зайберта: Магда сидела на кровати и рыдала, размазывая слезы по щекам.

– Убирайтесь отсюда! – крикнула она, увидев Клима.

Испугавшись, Китти начала ныть, и Клим отступил назад в коридор.

– Посиди здесь, я сейчас вернусь! – сказал он, сунув дочке «неприкосновенный запас» – золотые часы, когда-то подаренные ему Ниной. Китти давно охотилась за ними и очень обрадовалась неожиданной добыче.

Вернувшись в спальню, Клим прикрыл за собой дверь и сел в кресло напротив Магды.

– Мисс Томпсон, моя жена пропала, и я надеюсь найти её

с вашей помощью.

– Не буду я вам ни в чём помогать! – выкрикнула Магда. – Вы украли у меня работу!

– Если надо, я откажусь от неё.

Магда достала из кармана платок и шумно высморкалась.

– Идите вы к дьяволу со своим благородством! После разговора с вами Оуэн ни за что меня не наймет. А жену вы всё равно не найдёте.

– Почему?

Злясь и чертыхаясь, Магда все-таки рассказала Климу о своём знакомстве с Ниной и об её исчезновении.

– На ней была приметная китайская шуба – красная с вышитыми драконами. Кто знает, может, на неё кто-нибудь позарился?

– Спасибо... – произнес Клим, опустив голову.

– Не за что! – язвительно отозвалась Магда и, выйдя из комнаты, так хлопнула дверью, что фарфоровый чёрт упал с комода и разбился.

Глава 6. Московская саванна

1

«Книга мертвых»

Я подписал контракт на одиннадцать месяцев и был официально провозглашен начальником московского бюро «Юнайтед Пресс». Название у должности звучное, но на самом деле мое бюро состоит из одного человека, так что я являюсь начальником самого себя.

Первым делом мне пришлось наведаться в Наркомат по иностранным делам и заполнить кучу анкет. Чтобы не возникало лишних вопросов, я представился ньюйоркцем русского происхождения, который несколько лет жил в Китае, — и это вроде всех устроило.

Далее я направился в Отдел печати — так в СССР называют цензоров, без подписи которых журналисты не могут отослать за границу ни одного сообщения.

Советские цензоры оказались очень приятными и образованными людьми. Все они носят очки, знают по три-четыре языка и являются заслуженными революционерами. В своё

время они бежали от ужасов царизма в Европу и годами обличали душителей свободы в России, а после 1917 года вернулись домой и сами стали искоренять не одобренные начальством мысли.

Руководитель Отдела Яков Вайнштейн сразу разъяснил мне официальную доктрину – чтобы я потом не задавал глупых вопросов:

– Только в СССР процветает истинная свобода слова, потому что только в нашей стране трудящиеся могут свободно высказываться в печати, не опасаясь за свою жизнь. Нигде больше газеты не публикуют письма крестьян...

Я читал эти «письма»: судя по ним, жители глухих сибирских деревень меряют землю не десятинами, а гектарами, а потомственный донской казак запросто может назвать себя «мужиком» и подписаться «Крестьянин Сидоров». И кому какое дело, что для настоящего казака это звучит как оскорбление? Подписчики «Правды» всё равно не разбираются в таких мелочах.

– Цензура – это вынужденная, но крайне необходимая мера, – продолжал Вайнштейн, оглаживая густую жреческую бороду в мелких завитках. – Увы, иностранцы постоянно очерняют нашу страну в глазах зарубежного пролетариата. Иногда это происходит не со зла: один журналист увидел на улице военных и решил, что в Москву введены войска, – а это курсанты шли строем в баню! Но иногда мы сталкиваемся со злостным искажением действительности. Например,

недавно в «Дейли Телеграф» напечатали, что ОГПУ расстреливает рабочих. Вы видели в Москве хоть одного убитого?

Я признался, что не видел, — кто ж мне покажет, что творится в подвалах Лубянки?

— Очень приятно, что вы трезво смотрите на вещи! — обрадовался Вайнштейн. — Мы идем навстречу иностранным корреспондентам и освобождаем их от необходимости самим добывать информацию. Каждый раз, когда в стране происходит что-то значимое, мы присылаем им коммюнике. Основываясь на них, журналисты пишут статьи, наш сотрудник их проверяет, запечатывает в конверт, и после этого материалы рассылаются по редакциям. Как видите, мы не собираемся чинить вам ни малейших препятствий.

Еще он добавил, что если я буду освещать события объективно, то он поможет мне сделать карьеру в журналистике.

— Надеюсь, вы понимаете, что ваши достижения на китайском радио никому не интересны. Когда ваш контракт закончится, вам надо будет устраиваться на новую работу. Будьте на хорошем счету и у Оуэна, и у нас — и вы получите самые блестящие рекомендации.

Я уверен, что примерно то же самое он говорит всем новичкам. Это предупреждение: если ты будешь на плохом счету у Вайнштейна, цензоры не дадут тебе работать и начальство уволит тебя как неспособного найти компромисс с местными властями.

Кстати, перед отъездом Оуэн тоже потребовал от меня

предельной объективности и сказал, что важные материалы, которые не могут пройти цензуру, следует отправлять в Лондон контрабандой.

– Вам придётся самому изыскивать способ переправки статей за границу, – добавил он. – Будьте предельно осторожны: если вас поймают, то могут выслать из СССР – такие случаи уже были. Советские чиновники уверены, что критиковать их действия могут только «враги всех трудящихся», которых надо как можно скорее нейтрализовать. Так что зря не рискуйте.

Зайберт посоветовал Климу снять квартиру у его знакомого по фамилии Элькин.

Это был невысокий угловатый человек с крючковатым носом и небольшими рыжими усами щеточкой. Разбогатев во время нэпа, он выкупил обветшавший особняк на Чистых прудах – с обязательством привести его в порядок. Вскоре на его первом этаже открылась букинистическая лавка под названием «Московская саванна», а второй этаж Элькин решил сдавать иностранцам.

– Ремонт мы, конечно, не доделали, – смущенно сказал он, когда Клим и Китти пришли посмотреть квартиру. – Но я ничего не могу поделать: строительных материалов нигде не достать.

На стенах действительно кое-где отваливалась штукатурка, а паркет выглядел так, будто по нему долго возили тяжёлую мебель. Но зато в большой комнате имелись камин в голубых изразцах и стрельчатые окна из цветных стекол. В придачу Элькин давал жильцам расстроенный рояль, диван и дамский туалетный столик с подсвечниками в виде жирафов.

Жирафов в квартире было великое множество: они украшали собою всё – от дверных ручек до гардин.

– Ну что, хочешь тут жить? – спросил Клим у Китти.

– Да! – выдохнула она, завороженно глядя на люстру, украшенную бронзовыми головами с рожками. – Тут такие лошадки!

За одиннадцать месяцев Элькин запросил немыслимую сумму – две тысячи американских долларов:

– Я нахожусь в трудной жизненной ситуации и поэтому вынужден поднять цену.

Они перезванивались и торговались несколько дней.

– Я лучше в «Гранд-отеле» останусь, – сердился Клим. – Тут и дешевле, и штукатурка не обваливается.

– Я ведь совсем немного прошу, – скучным голосом повторял Элькин. – Поверьте, вы не найдёте другой отдельной квартиры во всей Москве. У меня есть телефон, плита на кухне, а ещё чулан и ванная... Вам обязательно нужна ванная для ребёнка.

– Вы просите больше, чем я зарабатываю!

Сторговались на тысяче. «Юнайтед Пресс» согласилось дать Климу кредит в счёт будущего жалования, и он перевез вещи на Чистые пруды.

Вечером к нему постучался косматый старик в дырявой телогрейке; в руках у него был табурет, сколоченный из березовых чурбаков.

– Я Африкан, тутошный дворник, – пробасил он и показал на белую жирную собачку, жавшуюся к его валенкам. – А эту стерву Укушу зовут, она дом охраняет. Вот вам от нас подарочек – чтобы за роялем сидеть.

Клим дал дворнику рубль, и тот пообещал сделать для «его сиятельства» ещё три табурета – на случай, если гости придут.

– Укушу, ты видела, какой у нас жилец-то? – восхищенно бормотал Африкан, спускаясь вниз по лестнице. – Князь... ну чисто князь советский! А я уж думал, таких и не бывает вовсе.

Собачка согласно подвывала. Китти угостила её шкуркой от колбасы, и Укушу сразу прониклась уважением к новым квартирантам.

«Книга мертвых»

У «Юнайтед Пресс» более тысячи клиентов по всему миру, и я каждый день должен отправлять телеграммы в Нью-Йорк, Лондон, Берлин и Токио. Там мои депеши сортируют и пересылают подписчикам – то есть местным газетам.

Как оказалось, работа иностранного корреспондента в Москве сродни добыче жемчуга в беспокойном море. От Отдела печати приходят лишь унылые отчеты о заседаниях и постановлениях, так что мне приходится надеяться только на себя.

Я напрасно рассчитывал на то, что советские граждане будут охотнее разговаривать со мной, если у меня будет удостоверение прессы. Иностранцы в Москве надёжно отделены от местных жителей не только языковым барьером, но и страхом перед ОГПУ. После долгих лет странствий по миру я говорю по-русски с небольшим акцентом, да и моя одежда выдает меня с головой, так что ко мне, как и к другим «зарубежным гостям», относятся очень настороженно.

Исключение составляют только совсем уж простые люди. Давеча я умудрился взять интервью у делегата из Якутии, которого прислали на съезд ВКП(б). Я спросил его, за что

именно он голосует, но оказалось, что парень ничего не понимает в политике и готов одобрять всё что угодно – из чувства благодарности:

– Раньше я кем был? Простым оленеводом! А партия меня возвысила и в Москву привезла – так как же я против неё попру?

Он бродил по золоченым коридорам, где некогда проводились царские приемы, тыкал пальцем в огромные зеркала и счастливо смеялся.

– Ну, теперь я всё видел; можно и помирать! – сказал он мне на прощание.

Цензорам интервью с оленеводом не понравилось.

– Это что? – поморщился Вайнштейн, когда я принес ему бумаги на подпись. – Мы же прислали вам коммюнике, чего вам ещё надо?

В коммюнике говорилось о «борьбе с тенденциозностью в целях улучшения партийно-организационной работы».

Как я ни бился, отправить интервью не получилось.

– Мы к вам присматриваемся, и пока непонятно, дружественный вы журналист или недружественный, – проворчал Вайнштейн. – Сначала заслужите наше доверие, а потом будете позволять себе вольности.

Иностранных корреспондентов в Москве – около сорока человек. Мы постоянно ходим друг к другу в гости, танцуем, играем в покер и обмениваемся слухами. Цензура и недостаток информации вызывают в нас азарт, и мы вечно соревнуемся, кто первым раскопает важную новость и умудрится отправить её в редакцию.

Возможно, работать в СССР не так престижно, как в Европе, но многие мои коллеги говорят, что не променяют Советскую Россию ни на что другое.

Мы обладаем немислимыми привилегиями: у нас огромное по местным меркам жалование, отдельные квартиры и доступ к прекрасным посольским докторам и кооперативным лавкам Наркоминдела, где можно купить кофе, какао, сыры и даже экзотические фрукты.

Мы не боимся ни самодуров-начальников, ни ОГПУ и в любой момент можем поехать за границу. Всё это называется простым словом «свобода» и именно о ней мечтали поколения русских революционеров. Удивительно, но после 1917 года единственной категорией свободных людей, живущих в СССР, стали иностранные дипломаты и журналисты.

Даже высокопоставленные партийные чиновники не защищены от грубого произвола. Пару дней назад я позвонил бывшему члену ЦК ВКП(б) Григорию Зиновьеву, которого,

как и Троцкого, посадили под домашний арест. Я спросил, как он себя чувствует, и Зиновьев, охнув, произнес дрожащим голосом:

– Погодите... мне надо посоветоваться с товарищами.

Без разрешения свыше он не смеет даже пожаловаться на насморк, и ему некуда бежать из его золотой клетки.

Еще ни на одной работе я не испытывал такой бури противоположных чувств. Советская Россия – это немыслимое сочетание самых дремучих суеверий и невежества и самых передовых идей, вдохновенного творчества и устремлений в будущее. Все-таки очень многие верят в то, что СССР – это строительная площадка нового мира и именно тут будут воплощаться вековые мечты человечества.

Я хожу в университет на публичные лекции и поражаюсь уму и изобретательности советских учёных. Архитекторы-конструктивисты строят чудные, ни на что не похожие здания; Сергей Эйзенштейн снимает незабываемые фильмы... И тут же, рядом, существуют тупая и бесчеловечная пропаганда, жестокосердное преследование лишенцев и полное неумение и нежелание беречь своего ближнего. Борьба и война объявлены «священными», и, судя по всему, большинство населения смотрит на это с одобрением.

Но по-настоящему меня угнетает только одно: у меня нет времени на поиски Нины. Жизнь иностранного корреспондента в Москве – это бешеная гонка: мой телефон разрывается от звонков, курьеры Наркоминдела постоянно приносят

новые коммюнике, и мне вечно надо куда-то бежать и где-то присутствовать.

Пока меня нет, за Китти приглядывает Африкан, и моя дочь уже заявила, что хочет быть дворником, когда вырастет. Сейчас у неё любимая игра – это подметать пол и ворчать басом:

– Отсырел народ... Ему хошь Бога в управители поставь: толку не будет. Всё новшества внедряют, сукины дети... Россию Сэсэсэрою назвали! Не надо нам никаких новшеств: вон, сапоги новые натянешь, и то ноги тоскуют.

С Укушу Китти тоже подружилась: у них нашелся общий интерес – сапожная смазка, которую варят на сале. Африкан прячет её, но Укушу по запаху определяет, где находится клад, Китти достает его, а потом они устраивают пир.

Я обошел все детские сады в округе и выяснил следующее: в «Золотой рыбке» воспитательница нарочно морозит детей, чтобы они почаще болели и не приходили в группу, – так ей работы меньше. В «Рябинке» нянечка говорит малышам, что кладет на полку свои глаза, которые внимательно за всеми следят. Эти глаза, живущие отдельно от хозяйки, доводят детей до нервной икоты.

В третьем, хорошем садике, нет мест, а в четвертый нас не взяли, потому что Китти – «иностранный ребёнок». По всей видимости, заведующая испугалась, что моя дочь завербует её и заставит выдать, сколько в садике имеется стратегических горшков и тактических слюнявчиков.

Я подал объявление о том, что готов принять на работу помощницу – ответственную женщину с педагогическим образованием и отличными рекомендациями. Она должна ладить с детьми, уметь печатать на машинке, говорить по-английски и хорошо знать Москву – на случай, если мне потребуется отправить её с поручением. Ещё необходимо, чтобы кандидатка умела готовить, стирать и могла взять на себя ведение хозяйства.

Вскоре выяснилось, что таких ангелов в природе не существует, а если они и есть, то никто из них не польстился на скромное жалование в тридцать рублей и крохотный чулан за кухней, где я собрался поселить своего ангела.

Зайберт сказал, что мне всё равно не дадут нанять помощницу со стороны: оказывается, для этого нужно особое разрешение.

– Советская власть желает знать, что происходит у нас дома, поэтому чиновники будут неделями гонять вас за справками, а потом, когда вы морально созрете, подсунут вам сотрудницу ОГПУ.

– А как же ваша Лизхен? – спросил я, вспомнив о его прислуге. – Она тоже работает на чекистов?

– Разумеется, – кивнул Зайберт. – Но это не мешает ей любить меня.

– Во, барин, принимай! – сказал Африкан и ввел в прихожую чернобровую девку, наряженную в новый зипун и платок с орнаментом «персидские огурцы». Под мышкой у неё был свернутый матрас, на спине – заплечный мешок, а с локтя свисала связка баранок.

– Здравствуй, батюшка князь! – сказала девка и поклонилась Климу в пояс.

Он вопросительно посмотрел на Африкана:

– Это кто?

– Кто, кто... – рассердился дворник. – Прислужница твоя, вот кто! Капитолиной звать. Она девка глупая, но работающая и с документом.

Документ назывался «Удостоверение на право эксплуатации печи и колонки». В нём значилось, что тов. Козлова Капитолина Игнатьевна обучена правилам пользования нагревательными приборами и технике безопасности.

– Она тебе и за дитем присмотрит, и кашу сварит, и новую жилетку свяжет, – пообещал Африкан. – Это племянница моя из Бирюлева; бери с гарантией. Она сюда приехала, чтобы на приданое заработать, но ты ей жалование не плати – этого без разрешения делать нельзя. Лучше купи в своём кооперативе отрез ситцу и подари ей. А если придут из Трудовой инспекции, скажем, что она у меня гостит, а тебе по-

соседски помогает.

Клим оглядел зардевшуюся «прислужницу».

– Вы Москву знаете?

– А то! – с готовностью воскликнула Капитолина. – Это первый город на земле. Я уж третий раз сюда приезжаю – всё никак наглядеться не могу.

– Вы грамотная?

Капитолина опустила глаза и засопела. Африкан отозвал Клина в сторонку.

– Ты глянь, какая ягодка пропадает! – прошептал он, показывая на пышный Капитолинин зад. – Такую девку в прежние времена на ключ надо было запирать, чтоб не украли. А теперь женихов в деревне совсем мало: половину в войну перебили, а остальные – кто старый, кто пьющий, кто покалеченный. Если нет приданого, хороший человек ни за что не женится.

– А с детьми твоя Капитолина ладит? – спросил Клим.

– У неё пять младших братьев: она за всеми приглядывала, и ни один не помер.

– Дяденька Африкан говорит, что ты меня в чулане поселить можешь, – подала голос Капитолина. – За такую щедрость я тебе чего хошь буду делать – хоть собственными слезами всю посуду перемою!

– Это, пожалуй, лишнее, – сказал Клим и велел ей немедленно приступать к работе: у Китти уже не осталось чистых чулок.

С появлением «домашнего пролетариата» быт в квартире не особо наладился, но жизнь засверкала новыми гранями.

Капитолина привезла из деревни кованый сундук и большую икону – настолько закопченную, что изображенный на ней святой едва проглядывался.

– Кто это? – спросила Китти.

– Боженька, – умиленно отозвалась Капитолина и в тот же вечер научила её вставать на колени и класть перед иконой земные поклоны – что Китти чрезвычайно понравилось.

На сундук Капитолина положила матрас, набитый дореформенными банкнотами, давно потерявшими ценность. Во время войны её отец заработал кучу денег на спекуляциях сеном и всё спрятал в матрас – дочке на приданое.

– Хоть посплю как миллионщица, – говорила Капитолина и любовно взбивала свои сокровища.

Из сундука были извлечены пяльцы, спицы, крючок и мотки ниток, и вскоре по квартире начали расползаться полчища салфеток и накидушек.

– Так красивше, – говорила Капитолина, накрывая печатную машинку полотенцем с петухами.

Клим убирал его, но на следующий день «утиралочка» появлялась на прежнем месте.

У Капитолины были свои представления о домашней эко-

номии.

– Сначала надо черствый хлеб доесть, а уж потом за свежий приниматься, – учила она Клима.

– Так он к тому времени тоже зачерствеет, – отзывался он. – Что, всё время сухарями питаться?

Щёки Капитолины наливались гневным румянцем.

– Пусть хлеб сгниет, пусть дом сгорит, а мы по миру пойдём! – кричала она.

Клим не уступал, и Капитолина доедала черствый хлеб сама – лишь бы добро не пропадало.

Она всё делала с размахом: если уж варила суп, то целый бак; если затевала стирку, то замачивала всё бельё разом – ну и что, что к ночи не оставалось ни одной сухой простыни!

– Дура! Дубина! – ругал её Африкан.

Капитолина то хохотала, то огрызалась:

– Ты не ори на меня! Ноне не царский режим!

Укушу лаяла, Китти визжала, и Клим шел в кухню разбираться.

– Прогони эту дурищу! – требовал Африкан. – Она тебе целый фунт кофе спалила!

– Доносчик... – стонала Капитолина. – И чего ты подлый такой?

Африкан выкатывал глаза:

– Я не подлый, я за порядок в доме! Думаешь, барин кофе не хватится?

– Так он чашки не хватился, и ничего!

– Какой чашки? – хмурился Клим.

Капитолина и Африкан испуганно замолкали.

– Чашка стояла на столе, а они подрались и начали вокруг стола бегать, – объяснила Китти. – Всё и полетело. Но ты, пап, не расстраивайся: мне Капитолина молоко в консервную банку налила.

Клим достал из портмоне деньги.

– Капитолина, сходите и купите новые чашки.

– Не посылай ты её в посудную лавку! – в ужасе закричал Африкан. – Она ж там всё перебьёт!

Но Капитолина уже наматывала на голову платок:

– Бегу, батюшка! Бегу, Иисус Христос!

Клим хотел нанять ангела-хранителя от бытовых забот, но Капитолина скорее была богиней разрушения. Использовать её в качестве курьера тоже было нельзя: она не знала Москву, да её никуда и не пускали – для того, чтобы ходить с поручениями от иностранца, требовалась официальная бумажка.

Скрепя сердце Клим все-таки пошел в Наркоминдел и попросил разрешения нанять помощницу.

Вайнштейн явно обрадовался:

– Мы подберем вам прекрасного специалиста! – пообещал он.

– Барин! – шепотом позвала Капитолина и на цыпочках подбежала к Климу: ей казалось, что так она меньше отвлекает его от дел. – К тебе женщина явилась, хочет курьером устроиться. Звать Галиной Сергеевной, фамилия – товарищ Дорина.

Клим велел впустить курьершу, и в комнату вошла невысокая, бедно одетая женщина с удивительным лицом: у неё были миндалевидные глаза цвета густого меда, тонкий удлинённый нос и полные бледные губы – с такой внешностью товарищу Дориной надо было играть христианских мучениц.

– Добрый день! – поздоровалась она. – Меня из Наркоминдела прислали.

Клим показал на диван:

– Присаживайтесь и рассказывайте о себе.

Товарищ Дорина попросила называть её Галей и сказала, что жизнь у неё самая обычная: до недавнего времени она служила делопроизводителем, но сейчас в Наркоминделе сокращение штатов, поэтому она подыскивает новое место.

– Вы когда-нибудь работали курьером? – спросил Клим.

– Нет, но я хорошо знаю Москву – я тут выросла. К тому же у меня есть крепкие валенки. Если меня не возьмете, то у других кандидатов обязательно спрашивайте про обувь. Без валенок курьер наверняка простудится и сляжет с темпера-

турой.

– Вы что-нибудь ещё умеете делать?

– Я печатаю по-русски, по-английски и по-французски, а ещё знаю стенографию.

– Напечатайте что-нибудь на пробу.

Галя села за пишущую машинку, как пианист за фортепьяно, и вопросительно посмотрела на Клима. Он начал диктовать первый попавшийся текст из «Таймс»:

– Экономические эксперименты Советского Союза продолжают удивлять мир...

Галя уверенно заколотила по клавишам и в несколько минут перепечатала статью о бюджетном кризисе в СССР. Клим не мог поверить своим глазам: в тексте не было ни одной ошибки.

– Имея такие таланты, вы хотите служить курьером?

Галя пожала плечами:

– Мне сейчас любая работа сойдёт. К тому же, говорят, иностранцы жалованье не задерживают. Это правда?

Клим кивнул. Если эта Галя не запросит много денег, то искать другую кандидатку не имело смысла.

Его взгляд остановился на вороте её кофты, из-под которого выглядывал уродливый лиловый шрам.

– Лучше заранее спросите: «Что это у вас?» – сказала Галя. – А то возьмете меня на службу и каждый раз будете мучиться догадками.

– Что это? – улыбнувшись, спросил Клим. Галя опреде-

ленно ему нравилась.

– Мой муж был комиссаром во время Гражданской войны, – отозвалась она. – Белобандиты подожгли наш дом; дочку я вынесла на руках, а муж погиб. Мне на память ожог остался.

– Как же вы справляетесь одна с ребёнком?

– А чего с ним справляться? Одежды нет – стирать мало, комната маленькая – убирать мало, да и готовить особо нечего.

Галя поднялась.

– Я пойду. Если моя кандидатура устраивает, мне можно позвонить: у нас в квартире есть телефон.

Клим отправился её провожать. Выйдя в прихожую, Галя сунула ноги в огромные мужские валенки и надела поданное Капитолиной старомодное пальтишко.

– До свидания, – попрощалась она и вдруг серьёзно посмотрела на Клина. – Я только одно хотела сказать: в вашей «Таймс» есть неточность. Социализм – это не эксперимент, это неизбежная стадия развития человечества.

– Давайте рассуждать логически... – начал Клим, но Галя перебила его:

– Не надо нам вашей логики! Что вы со своей «Таймс» можете о нас знать? Вы пытаетесь задавить нас, подрываете веру в наши силы – а нам плевать! Мы... – Галя приложила руку к сердцу, – мы свято верим, что ни одна капиталистическая армия не сможет нас победить. Мы не отступим и бу-

дем до конца сражаться за наше светлое будущее!

Она вдруг смутилась. Лицо её покраснело, а губы задрожали, будто она собиралась заплакать.

– Извините... Я знаю, что всё испортила, и вы теперь не возьмете меня на работу. Я просто хотела, чтобы вы поняли...

Объяснения не требовались. У этой Гали была очень трудная жизнь, и все её надежды связывались со «светлым будущим», которое живописали советские газеты. Статья из «Таймс» лишала её веры в завтрашний день, и потому Галя яростно отвергала факты, на которые ссылался иностранный журналист.

– Я возьму вас на службу, – сказал Клим. – Только давайте договоримся, что мы все имеем право на своё мнение: и вы, и я, и газета «Таймс».

Галя скорбно кивнула.

– Хорошо... А... а у вас табачку не найдётся? Курить очень хочется, а я пачку дома оставила.

– Я не курю, – отозвался Клим. – У меня маленькая дочь, так что в квартире папирос быть не должно.

– Да... конечно... Я просто немного переволновалась.

Галя выскочила на улицу, и Клим вернулся к себе. Он видел в окно, как она стрельнула папиросу у парней, слонявшихся у катка напротив, а потом жадно курила и всё оглядывалась на «Московскую саванну».

Клим не сомневался, что Галя будет доносить на него. Ну

и ради бога — пусть доносит, что отправила десяток проверенных цензурой телеграмм и купила в «Канцтоварах» промокашки. Может, ей за это несколько рублей перепадет.

Глава 7. Агент ОГПУ

1

Галя Дорина родилась в семье зубного врача. Сколько она себя помнила, в их большой квартире собирались революционеры: их привечала мама, которой нравилось слыть передовой общественницей.

Эти плохо одетые люди много ели и курили, а потом принимались за речи о том, что царь, помещики и капиталисты высосали из народа всю кровь.

Родители подсовывали Гале книги, в которых воспевались идеи свободы, но её собственная жизнь была подчинена строгим ритуалам, начиная от утреннего здоровья и кончая правильной, полезной для дыхания позой во время сна.

Когда Гале исполнилось шестнадцать лет, мама справила ей гардероб и начала возить в гости к важным господам с плотными брюшками и блестящими лысынами. У семьи было много долгов, и родители надеялись удачно выдать Галю замуж.

В гостях они нахваливали дочь и называла её «очень покладистой». Галя нутром чуяла, что от неё требуется, и почти всегда оправдывала ожидания – будь то хорошие оценки или умение вовремя исчезнуть из комнаты. Если она ошиба-

лась, отец зловеще шептал ей: «Ну, готовься: вечером я тебя так отхожу – своих не узнаешь!» – а потом лупил её собачьим поводком.

Мама в припадке гнева швыряла в дочь что под руку попадется. Рубец на Галиной шее остался от раскаленных щипцов для завивки – белогвардейские бандиты были тут ни при чем.

Однажды мама пригласила в гости революционера, состоящего под наблюдением полиции. Товарищ Алов был старше Гали на девятнадцать лет, носил дурацкое пенсне на засаленной ленте и выглядел так, что кухарка немедленно окрестила его «сухофруктом».

Его страстные речи поразили Галю в самое сердце. Он говорил о том, что в наш жестокий век надо быть сверхчеловеком, которому чужды сомнения, пороки и страсти простых смертных. Только так можно было сохранить собственное достоинство и не унижаться перед властью имущими.

Во время званных обедов Алов ругал мамины сентиментальные книжки и отцовское стремление жить «не хуже других».

– Жизнь даётся человеку один раз! – горячо проповедовал он. – Вы посмотрите, на что вы её тратите! Неужели вам не стыдно быть простыми обывателями?

– Стыдно! – соглашалась мама и вытирала слезу надушенным платочком.

– Вот это да! Вот это я понимаю: настоящий человек! –

восклицал папа и записывал слова Алова в особую книжечку для цитат и умных мыслей.

У Гали и Алова закрутился роман, но, узнав об этом, родители пообещали сдать дочкиного «жениха» полиции – такой зять их совершенно не устраивал.

Алов взял Галю с собой в Петербург, и она больше никогда не встречалась с родителями. Много лет спустя ей сказали, что они умерли от голода во время Гражданской войны.

Шел 1913 год.

Столица встретила Алова и Галю знамением, о котором ещё долго писали в газетах: на город обрушились полчища стрекоз. Их было так много, что они, как листья по осени, покрывали тротуары, а по Неве плыли зыбкие пятна из стрекозиных крыльев. Старухи говорили, что всё это не к добру.

За Аловым охотились жандармы, поэтому им с Галей пришлось перебраться в Париж. Она делала всё, что он просил или подразумевал: готовила, стирала, перепечатывала статьи и переводила с английского и французского. Жениться на ней Алов не собирался и говорил Гале, что она «свободная эмансипированная женщина», а брак – это непростительное мещанство.

Летом 1914 года началась мировая война. Как иностранный гражданин Алов не подлежал призыву, но он все-таки записался добровольцем, чтобы вести революционную пропаганду в войсках. Галя решила, что его непременно убьют, и после очередной побывки Алова не стала прерывать беременность. Через семь месяцев у неё родилась дочь Тата.

Однако Алов не погиб. На войне его отравили газами, и он нажил таинственную болезнь, которая временами скручивала его в бараний рог. В такие дни он сутулился, желтел и судорожно давился воздухом. На его запястье появились ян-

тарные четки, накрученные в виде браслета. Алов говорил, что они помогают ему пережить очередной приступ.

В начале 1919 года Алов с «семейством» вернулся в Москву, устроился в ЧК и получил комнату в ветхой, донельзя загаженной гостинице «Селект».

Вместе с эксплуатацией из России исчез бытовой комфорт: элементарные мелочи – винтики для очков, бельевые крючки и маникюрные ножницы – стали недостижимой роскошью. Но Галя ни на что не жаловалась: ведь они с Аловым боролись за светлое будущее всего человечества, а ради этого можно было потерпеть.

Ей очень хотелось верить, что всё не напрасно, и скоро у неё опять появится диван, накрытый клетчатым пледом, и расписная чашка с горячим шоколадом. А ещё своя кухня, раковина и уборная, где можно оставлять стульчак без опасения, что его украдут соседи.

Но месяц шел за месяцем, год за годом, а ничего не менялось.

Алов совершенно не интересовался Татой, и это оскорбляло Галю. Она словно очнулась: как она могла прожить с Аловым столько времени? Ведь всё опять поехало по накатанной колее: она ежедневно, ежеминутно притворялась и угождала ему – как в своё время пыталась угодить родителям.

Галя была для Алова выгодным приобретением – бессловесным, исполнительным и не требующим ухода, – а вопя-

щая Тата раздражала его. В их маленькой комнате негде было спрятаться от детского крика, и он бросал на Галю обвиняющие взгляды: «Вот, завела ребёнка, никого не спрося, – теперь все мучиться должны!»

Соседи стучали в стену:

– Да уймите вы свою паразитку!

Галя суежилась, краснела и нередко давала Тате шлепка. Девочка орала ещё громче.

– Галя, ты совсем дура? – страдальчески шипел Алов.

Он уходил курить, а она обнимала Тату и горько плакала:

– Прости... прости меня, ради бога!

Алову поручили следить за тем, что пишет о СССР зарубежная пресса. Он поставил работу так хорошо, что начальник Иностранного отдела ОГПУ товарищ Драхенблют объявил ему благодарность и вручил именной портсигар.

Галя радовалась успехам Алова и тайком молилась, чтобы руководство помогло ему решить жилищную проблему. Вскоре им действительно выделили комнату в Большом Кисельном переулке, и, получив ордер, Алов сказал Гале, что им надо серьёзно поговорить.

Сначала он долго благодарил её за то, что она была надёжным товарищем и преданным борцом за дело коммунизма. Галя слушала, не понимая, куда он клонит. Наконец Алов выпрямился и, глядя в сторону, сообщил, что собирается жениться на актрисе.

У Гали пропал дар речи. Она не могла себе представить, чтобы он мог влюбиться, а уж тем более жениться на ком-нибудь. Ведь сколько раз он говорил, что брачные отношения не для него!

– Я не хочу быть подлецом и поэтому отдаю тебе и Тате свою комнату, – добавил Алов. – Я слишком многим тебе обязан.

– А как же ты? – только и смогла пролепетать Галя. – Ведь комнату в «Селекте» отберут!

– Ничего, справлюсь как-нибудь.

Галя с дочкой переехали в Большой Кисельный переулок, а Алов подселился к знакомому чекисту, у которого были излишки жилплощади.

Галя не знала, то ли радоваться произошедшей перемене, то ли реветь от унижения. Алов действительно женился на актрисе – хорошенькой девице с огромными водянистыми глазами и коротко стриженными светлыми кудряшками. Знакомые сказали, что он нашел её в пивной, где она исполняла песню «Подайте сиротинушке на тёплые штанишки».

Юное дарование звали Дуня Одесская. У неё не было постоянной работы, и она выступала дублершей в рабочих театрах. Галя сходила посмотреть на соперницу и после этого решила, что на фронте Алова не только отравили газами, но и контузили – Дуня Одесская была вопиюще бездарна.

Тата вскоре забыла о существовании папы (он никогда не появлялся в Большом Кисельном), и, чтобы она не чувствовала себя безотцовщиной, Галя сочинила сказку о погибшем в огне комиссаре. Тата с гордостью пересказывала эту историю всем знакомым, а потом – как величайшую реликвию – показывала им хрустальную пепельницу с отбитым уголком, которую Галя купила на барахолке.

– Это отцовская вещь; он подарил её, когда мне исполнилось три года.

К Галиному удивлению, её отношения с Аловым не закончились: пару раз в месяц он звал её к себе в кабинет «попить

чайку». Свидания заканчивались жарким тисканьем, и она поднималась с дивана глубоко удовлетворенной – не Аловым, разумеется, а мезью пучеглазой артистке.

Гале пришлось сделать ещё три аборта, и последний привел к благословенному бесплодию – теперь ей не надо было каждые полгода ходить на выскабливание к акушерке. Ей было двадцать девять лет, на её лице обозначились первые скорбные морщинки, и, когда её спрашивали, что она любит делать больше всего, она отвечала: «Курить».

Алов велел Гале устроиться помощницей к американскому журналисту:

– Нам надо, чтобы за ним кто-нибудь приглядывал. Постарайся ему понравиться.

Алов повел себя с ней как сутенер, и, придя домой, Галя привычно нажаловалась на него своему мужчине, которого выдумала много лет назад. Она уже давно «жила» с ним: привычно засыпала в его компании, завтракала, ходила гулять и делилась самым сокровенным. У него были густые тёмные брови, длинная чёлка и сильные руки; он был надежен и великодушен, он умел посмеяться над собой, и ему были неведомы ни подлое рвачество, ни жестокость, ни тупое равнодушие к чужой беде.

Галя смирилась с тем, что в реальности у неё никогда не будет такого мужчины. Её жребий – крутиться, как мышка в игрушечном колесе, есть по зёрнышку, обустривать свою норку и воспитывать дочь.

И все-таки он появился – будто соткавшись из её снов. Слишком чудесный, чтобы быть настоящим.

Галя в нестерпимом блаженстве смотрела на своего нового начальника, на иностранца, говорящего по-русски с чуть заметным акцентом... на человека, которого она обязана была предавать.

Клим поил её кофе; не задумываясь, по привычке, отодвигал для неё стул или открывал перед ней дверь – как перед настоящей дамой. Он ссыпал ей в ладони конфеты: «Угостите свою дочку», – или передавал ей пакет: «Это нужно отнести на телеграф». На мгновение его пальцы касались её руки, и Галю ещё долго потряхивало от жарких волн, пронесившихся по её телу.

Теперь она до дрожи в коленках боялась встреч с Аловым – ей казалось, что он, с его умом и проницательностью, непременно догадается о её любви.

Тот в подробностях выпрашивал, чем занимается Клим и что думает о политике советского руководства.

– Он называет нашу революцию экспериментом, – потупившись, докладывала Галя. – Но ему интересно работать здесь, и он хорошо относится к советским людям. Он ведь родился в Москве, но ещё мальчишкой уехал за границу...

На самом деле Галя многое не договаривала. Иногда Клим так отзывался о СССР, что ей хотелось заткнуть уши:

– Большевики набивают население ненавистью, как чуело ватой. Здесь всё с кем-то сражаются: на словах – с империалистическим капиталом, а на деле – друг с другом, потому что до капиталистов всё равно не достать.

Если бы Алов узнал о таких разговорах, он бы тут же занес Клима в разряд недружественных журналистов и потребовал, чтобы Отдел печати выслал его из страны.

– Где его жена? – спрашивал Алов, делая пометки в своих

бумагах.

Это Галя и сама хотела бы знать.

– Он никогда о ней не упоминал. Я попыталась расспросить Китти, но она сказала, что папа запретил об этом говорить. Я не стала настаивать.

– Ну и правильно, – кивал Алов. – А то у Рогова могут возникнуть ненужные подозрения. Ну что ж, молодец! В этом месяце мы тебя премируем – зайди в профком и получи бесплатный билет на лекцию «Проблемы омоложения и бессмертия».

Ночами Галя долго лежала без сна и ужасалась тому, что она делает: «Я продаю свою любовь даже не за тридцать сребренников, а за ненужные мне билеты».

На следующий день она снова шла на Чистые пруды, здоровалась с Климом и печатала под его диктовку статьи. Он ходил по комнате и размышлял вслух, а Галя смотрела на него, и у неё внутри всё сжималось в одну сияющую точку.

«Хороший мой... Дай Бог тебе счастья! Мне больше ничего не надо...»

Африкан приволок с улицы душистые сосновые поленья и принялся растапливать камин.

– На суде пользование одним примусом приравнивается к совместному ведению хозяйства, – пробурчал он, искоса поглядывая на Клима. – Сначала дамочка тебе керосин в бидоне носит, потом яичницу жарит... и всё, пропал человек!

Африкан стрельнул глазами на дверь: не идёт ли Галя? Голос его понизился до интимного шёпота:

– Слышь, барин, не подпускай Гальку к примусу, а то она окрутит тебя!

Клим рассмеялся:

– А Капитолину подпускать можно?

– Эх, барин... Ничего-то ты не понимаешь! – горестно вздохнул Африкан и, потоптавшись, ушел в дворницкую.

На самом деле Клим уже не мог обходиться без Гали. Она стала для него секретарём, экономкой, курьером, а самое главное – няней для Китти. Капитолина начала называть её «замбарыней».

Клим с большим облегчением передал Гале деньги на хозяйство, и вскоре его квартира совершенно преобразилась.

Каждую неделю Галя ходила на аукцион в церковь Старого Пимена, где на торги выставлялись вещи, не выкупленные в комиссионках. Так у Клима появились патефон, пара во-

сточных кувшинов и бронзовая пастушка, держащая в подоле чернильницу.

Большую комнату украсили изящные кресла и огромное, от пола до потолка, зеркало, а дыры в штукатурке были закрыты киноафишами с Полой Негри и Кларой Боу. Стол отныне накрывался по всем правилам сервировки, в буфете появился сервиз с золотыми ободками и ручками, а в углу расцвел могучий розан. Жильё получилось странным, но на диво праздничным и уютным.

Галя без труда нашла общий язык с Китти: она водила её на ипподром и учила рисовать лошадок.

Клим не знал, как вести себя с ней: ему было неудобно всё время получать, а взамен давать только жалование. Чтобы хоть как-то отблагодарить Галю, он отвел её к сапожнику, который обслуживал сотрудников иностранных посольств, и тот сделал ей красивые туфли и тёплые нарядные сапожки на меху.

Капитолина долго ахала, рассматривая Галину обновку:
– Прячь скорее в сундук! А то кто-нибудь увидит и украдёт.

Но Клим настоял, чтобы Галя носила сапожки.
– Там, где проходит женщина, должен оставаться изящный след, – сказал он.

Африкан, узнав о подарках Климa, заявил ему, что тот конченный человек.

«Книга мертвых»

Я дал несколько интервью в газетах и даже выступил по радио с рассказом о жизни в Китае – в надежде, что моя жена услышит меня и откликнется. Но радиоприемников в Москве отчаянно мало, а мечтать о том, что Нина в нужное время окажется перед уличным репродуктором, – это всё равно что надеяться на выигрыш в лотерею.

Я попытался обратиться в милицию и разузнать: не попала ли им китайская шуба с вышитыми драконами? Всё без толку: тетки в канцеляриях то ли ленятся заниматься лишней работой, то ли не хотят со мной связываться.

Непробиваемую стену советской бюрократии можно обойти, только если у тебя есть большие связи, и, чтобы заполучить их, я начал ходить на великосветские приемы.

На банкетах, которые устраивают в конфискованных дворцах, собирается одна и та же публика: послы, высший командный состав и наркомы с супругами, а в качестве кордебалета приглашаются обласканные властью писатели и артисты и иностранные корреспонденты. В какой-то мере мы подменили собой прежнюю аристократию и теперь олицетворяем «приличное общество».

Пока результаты неутешительные – стоит мне хоть словом упомянуть Китай, как люди меняются в лице и начинают бормотать что-то невразумительное: не был, не знаю, извините, мне некогда. Никто не хочет, чтобы его имя было связано с поражением на Дальнем Востоке, а ведь всего несколько месяцев назад каждый партиец почитал за долг поддерживать китайскую революцию.

Двуличие – это, пожалуй, главная характеристика советского чиновника, и она распространилась на всё и вся, как инфекция. Ещё недавно высшие советские служащие исповедовали аскетизм, а сейчас всё превратилось в нелепую показуху. На публике вожди стараются как можно больше походить на пролетариев – одеждой, манерами и даже привычкой материться через слово, – но в своём кругу они предаются всем излишествам, которые только сыщутся.

Почти все вожди побросали своих жён, старых большевичек, и обзавелись новыми дамами сердца. Считается, что подругой солидного мужчины должна быть очаровательная юная красотка.

Жена члена Реввоенсовета Буденного – оперная певица Михайлова. Разница в возрасте – 22 года.

Жена наркома просвещения Луначарского – актриса Малого театра Розенель. Разница – 25 лет.

Любовница председателя ЦИК Калинина – артистка оперетты Бах. Разница – 20 лет.

Жена товарища Сталина моложе своего супруга на 23 го-

да.

И так далее, и тому подобное.

Знали бы широкие народные массы, как развлекаются их вожди! Ничего общего с пролетарским досугом, который воспевается в брошюрах Наркомпроса!

Сияют люстры, звенит посуда с царскими вензелями, а между столами скользят величественные официанты, некогда прислуживавшие императорскому дому. Старики выполняют свои обязанности с брезгливой отчуждённостью: их новые клиенты не стоят тарелок великих князей.

Единственный на всю Москву джазовый оркестр играет популярные на Западе мелодии – это делается для того, чтобы произвести хорошее впечатление на иностранцев. Но подвыпившим гостям хочется экзотики – революционных песен и цыганских романсов. «Аллилуйю» они и дома послушать могут.

На банкетах ко мне то и дело подсаживаются прекрасные дамы, причём каждый раз разные: блондинки и брюнетки, худенькие и полные... То же самое делается в отношении всех остальных корреспондентов: чекисты явно пытаются выяснить, каковы наши вкусы.

Зайберт подсмеивается надо мной:

– Ну будьте человеком! В ОГПУ уж и не знают, кого вам предложить. Если вы будете упорствовать, однажды вам пришлют милого отрока.

Сам-то он с удовольствием знакомится со всеми подряд.

В СССР напроочь отсутствует культ любви. Рыцарей перебили или выгнали из страны, и в обществе царят патриархальные нравы: наверху женщина является символом успеха, вроде медали или наградного оружия, а внизу на неё смотрят как на трудовую единицу, которая должна быть здоровой, выносливой и политически грамотной.

Иногда я возвращаюсь домой с очередной светской попойки, и на меня наваливается тоска: «Господи, чем я тут занимаюсь?»

Галя встречает меня на пороге и деловито докладывает, что она сделала по хозяйству. Потом с гордостью показывает какую-нибудь рамочку или расписную бутылку, купленную на аукционе: «Правда, красивая штука?»

Мы стоим посреди комнаты: я жду, когда Галя отправится домой, а она всё надеется, что я предложу ей остаться. Разумеется, я сдаюсь первым:

– Мне надо поработать.

Галя кивает, вздыхает и уходит, тихонько притворив за собой дверь.

В моей родной стране запрещено писать правду. Если меня поймают на ней, как на воровстве, отвечать придётся всем: Гале, Вайнштейну, тетушкам на телеграфе и прочим добрым людям, которые ежедневно помогают мне.

Самое обидное, моя правда никому не нужна и за границей: по статистике, американцы всё меньше интересуются международными новостями. Ещё несколько лет назад под сообщения из-за рубежа выделялось 9 % печатных площадей, а теперь – только 2,5 %. И это на все страны, включая Англию, Германию, Японию и Китай, в которых Америка заинтересована куда больше, чем в СССР.

Замкнутый круг: читателям неинтересна Россия, потому что они ничего о ней не знают, а я не могу им ничего рассказать, потому что правдивую и злободневную статью невозможно переправить за границу.

По правилам новостной журналистики я не должен высказывать собственное мнение о событиях. А что может понять иностранный читатель из куцых сообщений? Где-то далеко, в заснеженном Советском Союзе, живут странные люди, которым нравится мучать себя и других. Ну и бог с ними, лишь бы к нам не лезли!

У моих новостей нет человеческого лица, в них не отражаются судьбы живых людей – и дело не только в цензуре.

Телеграмма в Лондон стоит пятнадцать центов за слово, у меня есть бюджет, и я вкладываю в депеши только то, что помещается и что гарантированно пройдет через Отдел печати. На эксперименты у меня просто нет денег.

Просить об увеличении сметы бесполезно: единственный материал, за который «Юнайтед Пресс» готова платить без оглядки, – это интервью со Сталиным.

Когда я попросил Вайнштейна организовать мне встречу с генеральным секретарём, он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

– С чего это товарищ Сталин должен разговаривать с вами?

– Было бы неплохо, если бы он рассказал о своих взглядах и планах.

Вайнштейн только рассердился:

– Представьте, что корреспондент ТАСС приедет в Вашингтон и с порога попросит встречи с президентом Кулиджем!

Напрасно я ссылался на то, что президент Кулидж дважды в неделю даёт пресс-конференции для журналистов.

– Наверное, ему нечем себя занять, вот он и болтает с кем ни попадя, – сказал Вайнштейн. – А у товарища Сталина и без вас полно дел.

Я передал наш разговор Оуэну, и тот велел мне придумать, чем мы можем соблазнить генерального секретаря. Увы, Сталину ничего от нас не надо. Слава его не интересует:

он всегда держится в тени и появляется на публике два раза в год – на парадах 7 ноября и 1 мая. Это призрак, живущий в древней крепости; все его портреты тщательно отретушированы, а вблизи его видят только кремлёвская прислуга и пара десятков приближенных.

Я решил, что всё равно буду раз в месяц посылать официальный запрос об интервью. Если долго стучаться в ворота, то тебе рано или поздно откроют – хотя бы для того, чтобы посмотреть на надоедливую зануду и узнать, чего ему надо.

Зайберт сказал, что он уже три года делает то же самое, и мы с ним заключили пари – кто из нас первым добьётся успеха.

В моей голове засела дерзкая мысль: если мне удастся встретиться со Сталиным, я попрошу его помочь с поисками Нины. Ведь одного его слова будет достаточно, чтобы расшевелить московских бюрократов.

Иногда мне кажется, что это моя единственная надежда.

Глава 8. Трудный ребенок

1

Насколько Галя знала, у Клим не было ни жены, ни любовницы. Проститутками он не интересовался, но явно замечал красивых девиц и несколько раз доводил Галю до приступов бессильной ревности, заглядываясь на хорошеньких комсомолок. На неё саму он никогда не смотрел такими глазами.

Галя сама удивлялась произошедшей в ней перемене. Совсем недавно она на чем свет стоит ругала зарубежных капиталистов и их порочный образ жизни и была уверена, что ей не надо иного счастья, кроме скорейшего наступления коммунизма. Но стоило ей устроиться на работу к Климу, как от её убеждений не осталось и следа. Она ничего не могла с собой поделать: ей нравились изящные манеры, изысканный вкус, умные разговоры и такая пошлость, как... деньги.

Клим не считал себя богатым человеком и постоянно говорил, что ему на что-то не хватает. Он просто не понимал, что такое настоящая бедность и как от неё устаешь, когда тебе изо дня в день, из года в год приходится экономить на всем — даже на хлебе.

Клим мечтал об автомобиле, чтобы можно было тягаться с

Зайбертом – кто быстрее доставит материал на Центральный телеграф, а Галя всё никак не могла накопить на варезки для Таты.

– Попроси у барина прибавку, – советовала ей Капитолина. – Он добрый, он даст.

Но Галя не хотела ни о чём просить Клима. Ей нужны были не сиюминутные подачки, а муж – человек, который наконец вытащит её из трясины, в которую она провалилась много лет назад.

Они с Климом отлично сработались и даже перешли на «ты», и Галя начала потихоньку осуществлять свой тайный план: она поможет Климу сделать блестящую карьеру в Москве, станет для него абсолютно незаменимой, и, когда контракт с «Юнайтед Пресс» истечет, он женится на ней и заберёт её и Тату с собой.

– Обязательно добейся, чтобы Вайнштейн присвоил тебе звание «дружественного журналиста», – советовала ему Галя. – Тогда сотрудники Наркоминдела начнут помогать тебе без опасения, что ты погубишь их. В Москве всё решают связи, и, если тебя примут за своего, ты станешь настоящим экспертом по советским делам – просто в силу того, что с тобой будут разговаривать нужные люди.

– Даже Сталин?

– Даже он.

Галя сразу смекнула, что кратчайший путь к сердцу Клима проходит через Китти. Он очень любил свою дочь и по-

стоянно совестился, что у неё нет «нормального детства». Китти рвалась на улицу – играть с другими детьми, но Клим не пускал её, потому что соседские ребяташки дразнили её узкоглазой. Сколько советские газеты ни писали о «нерушимой дружбе народов», во дворах и на детских площадках об этом не вспоминали.

В Китти было слишком много чужеродного – раса, наряды и иностранные словечки, которыми она то и дело пересыпала речь. Она одновременно вызывала и любопытство, и неприязнь, и среди детей, да и взрослых, всегда находился кто-то, кто начинал придираться к ней.

Бытовой расизм доводил Клина до белого каления.

– Эти дураки не понимают, что разнообразие – это прекрасно! Китти умеет играть в игры, о которых здесь и не слышали! Она может что-то рассказать и показать... поделиться игрушками, в конце концов. А у них одно на уме – толкнуть её в сугроб и гоготать.

Галя поддакивала и при случае вставляла, что её двенадцатилетняя дочка с удовольствием играет с детьми любых национальностей. Ей надо было познакомить Китти и Тату и сделать все, чтобы они понравились друг другу.

На самом деле Галя стеснялась своей дочки: Тата была совсем некрасивой, да и не особо умной. В её классе почти все ученики были неказистыми – они росли в годы военного коммунизма, питались плохо и постоянно болели. Но даже на их фоне Тата смотрелась заморышем: она была на голову ниже сверстников, а тонкие рыжеватые косички, курносый нос и улыбка до ушей делали её похожей на недокормленную девочку-гнома.

Про характер и говорить было нечего – с этим ребёнком не справилась бы и святая. Тата не уважала взрослых, ленилась, дерзила, а порой несла такую чушь, что оставалось только хвататься за голову.

У Гали была надежда, что Тату исправит школа, но там детей учили не столько географии и русскому языку, сколько борьбе с пережитками прошлого. Главным пережитком в Татиных глазах стала мама.

– Веруя в Бога, ты позоришь нашу семью, – говорила она, подражая тону учительницы. – А кактусы на подоконнике – это мещанство, которое надо безжалостно искоренять.

Тата отвергала все, что было дорого её матери: уют, удобства, красоту и нежность. Разумеется, нервы у Гали частенько не выдерживали, но и к порке Тата относилась не так, как положено.

– Ты можешь убить меня, но я не отступлю от наших светлых идеалов! – вопила она. – И знай, что мои товарищи за меня отомстят!

Какие товарищи?! За что отомстят?! Галя напоролась ей задницу, потому что Тата не выключила свет в уборной и на собрании жильцов им объявили общественное порицание.

Как и Галя, Тата жила в мире фантазий, но только мать грезилась о любви, а дочь – о партизанских отрядах, подвигах, путешествиях и мировой революции.

Галя говорила ей, что служит секретаршей в ОГПУ: если бы Тата узнала, где и у кого на самом деле работает её мать, у неё был бы припадок. В школе детям накрепко вбили в головы, что хороший человек – это тот, кто бедно одет и прост, как лапоть. А стремление к духовным исканиям, интеллектуальному развитию и хорошим манерам приравнивалось у них к «буржуазности», то есть к глупости, подлости и тайной мечте сгубить всё живое на Земле.

Привести Тату в дом на Чистых прудах было невозможно: она никогда в жизни не была в отдельной, некоммунальной квартире, и это могло стать для неё слишком большим потрясением.

Начинать надо было с малого: позвать Клима и Китти к себе и придумать какую-нибудь легенду, оправдывающую наряды и привычки Роговых.

Дочь сама подсказала ей выход из положения – когда Галя намекнула, что у неё есть знакомый, приехавший из Шанхая,

Тата аж подскочила на месте:

– Он революционер, да? Настоящий?

– Да нет же! – поморщилась Галя. – Он журналист.

– А, я понимаю: это государственная тайна!

До недавнего времени в школе всю обсуждали героическую борьбу китайского пролетариата: дети проводили политзанятия и диспуты, учили приветствия на китайском языке и собирали деньги в помощь бастующим рабочим. Кажется, у Таты сложилось впечатление, что в Китае жили два сорта людей: революционеры и империалисты. Империалист приехать в СССР не мог, значит, Клим Рогов являлся борцом за счастье рабочего класса.

Галя сочинила вполне правдоподобную историю о том, как Клим скрывал свою истинную сущность, чтобы втереться в доверие к буржуям и выведать их секреты. А сейчас он работал с иностранными журналистами в Москве и ему волей-неволей приходилось подстраиваться под их извращенные вкусы.

Узнав о том, что у Клим Рогова есть маленькая дочь-китаянка, Тата пришла в восторг. Она любила командовать, но из-за малого роста и неказистости ровесники не воспринимали её всерьёз, и потому Тате куда больше нравилось возиться с малышами.

– Мамочка, а можно мне познакомиться с Китти? – ныла она. – Ну пожалуйста! Я целую неделю буду мыть посуду без напоминаний!

Галя «нехотя» согласилась, но взяла с Таты клятву, что та не станет расспрашивать дядю Клима о секретах революционной деятельности.

Когда-то в многоквартирном доме в Большом Кисельном переулке жили известные врачи и адвокаты, но после революции их разогнали, и в роскошные апартаменты въехали новые жильцы – по десять семейств на квартиру.

Раньше соседей, обитавших в одном доме, объединяло нечто общее – образ жизни, образование и доходы, – а сейчас учёные жили бок о бок с алкоголиками, милиционеры – с жуликами, а дворянские старушки – с правоверными комсомольцами.

Галина квартира была не лучше и не хуже других: обычно соседи ладили друг с другом, но теснота и разные понятия о том, «как надо», неминуемо приводили к скандалам.

Кто натоптал в прихожей? Кто колот лучину в ванной и выщербил плитку на полу? Кто развесил на кухне бельё вне очереди? Веревку для сушки каждый приносил свою, а гвозди в стенах были общие, и пользоваться ими вне графика строго воспрещалось.

С утра в воскресенье Галя зашла за Климом и Китти и, наняв извозчика, повезла их к себе. По дороге она страшно волновалась и невольно отмечала приметы: зазвонили церковные колокола – к счастью; с ограды поднялась стая ворон – плохой знак. Сердце томилось: что скажет Клим, когда увидит, в каком убожестве она живет? Вдруг Тата что-

нибудь откаблучит? Вдруг соседи начнут ругаться и опозорят её на веки вечные?

Клим заметил, что Галя нервничает:

– Всё будет в порядке. Главное, чтобы детям было весело.

Она благодарно улыбнулась в ответ. Все-таки удивительно: как он догадался о том, что творится у неё на душе?

Расплатившись с извозчиком, они вошли в подъезд, сплошь оклеенный старыми объявлениями, и поднялись на третий этаж.

Мраморная лестница благополучно пережила десять лет советской власти, а вот деревянные поручни давно были сняты с перил – в 1918 году их пустили на дрова. На стенах кое-где обвалилась штукатурка, а двери были изуродованы десятками табличек, кнопок и проводов – будто на них выросла неведомая плесень.

– Сейчас-сейчас... – повторяла Галя, роясь в сумке в поисках ключей.

Китти с удивлением разглядывала ряды электрических звонков.

– А зачем их так много?

– У каждого жилья свой звонок, – объяснила Галя. – Они дребезжат на разные голоса, и всем сразу ясно, к кому пришли гости.

Дверь распахнулась, и на площадку вышел Митрофаныч, научный сотрудник архивного бюро. Поздоровавшись, он пошел вниз по лестнице, то и дело оглядываясь через плечо:

Клим и Китти произвели на него неизгладимое впечатление.

В тёмной прихожей висело сырое бельё, где-то стучала швейная машинка, а с кухни раздавались голоса:

– Саня, котлету разогрей! Она в мисочке под марлей.

Они прошли по коридору мимо сундуков прислуги, и Галя рассказала гостям, что в её квартире многие держат домработниц, приехавших из деревень. Днём те занимались хозяйством, а ночью спали в коридоре на сундуках.

– Проходите и будьте как дома! – сказала Галя, распахивая дверь в свою комнату.

– Ух ты! – восхищенно протянул Клим. – Китти, ты посмотри, как здорово!

Галя, как могла, облагораживала своё жилище. На стенах висели расписные скворечники и маленькие клетки, в которых обитали не птицы, а игрушечные аэропланы. Лампа была сделана из тщательно склеенных осколков бутылочного стекла; вместо дивана в углу стояла садовая скамейка с нарядным тюфяком из цветных лоскутков – на нём Галя спала. А спальное место дочери было в шкафу под одеждой – но об этом гостям знать не полагалось.

Таты не было – видно, она вышла на кухню или к соседям. В комнате пахло табаком, и Галя поспешно открыла форточку. «Ведь просила Татку проветрить!» – в сердцах подумала она.

Китти заворуженно смотрела на нарисованных на шкафу белых кроликов с розовыми носами.

– Какие хорошенькие!

– Это моя дочка нарисовала, – с гордостью отозвалась Галя.

– А где она?

– Я тут!

Тата стояла на пороге – похожая на приютскую девочку в своём форменном синем халатике и «миллионной кофе». Галя купила это вязаное страшилище в 1922 году, когда деньги совсем обесценились и за любую тряпку на рынке требовали миллион.

На руках у Таты сидел старый рыжий кот Иповар – жалкое общественное создание, которое соседи кормили по очереди.

Несколько секунд Тата молча смотрела на гостей, и Галя внутренне содрогнулась: «Ох, что сейчас будет!» Но всё обошлось: Тата сказала «здрасьте» и, не обращая внимания на Клим, подошла к его дочке.

– Тебя как зовут? Китти? Так дело не пойдёт: тебе надо найти новое революционное имя. Меня, например, зовут Тракторина, но ты можешь называть меня Тата. Хочешь кота Иповара погладить?

– Хочу! – обрадовалась Китти.

– Её Татьяной зовут, – с досадой сказала Галя, но Клим не придавал значения Таткиному вранью:

– Пусть играют, как им нравится.

Пока мать заваривала чай, Тата принялась рассказывать

гостям о своём знаменитом отце-комиссаре.

– Это он? – спросила Китти, показывая на портрет Ленина над письменным столом.

Тата вытаращила глаза.

– Ты что, это не мой отец! Вернее, он отец... но не только мой, но и всех людей, потому что он вождь мирового пролетариата!

Китти ничего не поняла.

– Мой папа вон сидит, а этого дядю я не знаю.

– Как?! – изумилась Тата. – Это же... это...

– А почему ваша прислуга ночует на сундуках? – спросила Китти. – Наша Капитолина спит на мешке с деньгами. Они шуршат, если на них попрыгать.

Тата медленно перевела взгляд на Клима.

– Ма-а-ам! Мне нужно тебе кое-что сказать!

Они вышли в коридор, и она набросилась на Галю:

– Ты кого привела?! У него прислужники спят на мешках с деньгами!

Галя зажала ей рот ладонью.

– Тише ты, ради бога! Нет никаких мешков! Китти всё выдумывает!

– Да? А почему у него дочь не знает, кто такой Ленин?

– Потому что они только что приехали из Китая. Если бы дядя Клим рассказал Китти о Ленине, она могла бы ляпнуть что-нибудь на улице, и их бы арестовали!

Тата призадумалась: ей было известно о зверствах китай-

ской полиции.

– Ладно, пойдем назад, – смиротворилась она.

Тата научила Китти играть в декабристов: они взобрались на подоконник и поехали в Сибирь. Кактусы были жандармами, сопровождавшими их в ссылку.

Галя налила Климу чаю и достала печенье, купленное втридорога у соседки, которая работала на кондитерской фабрике «Красный Октябрь». Вроде бы всё шло как надо.

– Ты ведь бываешь на Лубянке, правда? – вдруг спросил Клим по-английски.

Галя не донесла чашку до рта.

– С чего ты взял?

Он показал на извещение из профкома ОГПУ, воткнутое за провод у выключателя: «Убедительная просьба ликвидировать задолженность по членским взносам».

У Гали затряслись руки. Тата – дура! Ведь ей сто раз говорили: «Убирай почту в стол!»

Отпираться было бесполезно.

– Я ничего такого не пишу про тебя! Если хочешь, я буду показывать тебе свои рапорты... Я не...

Клим покачал головой:

– Да ладно... Мне нечего скрывать. Я могу попросить тебя об одолжении? Мне очень нужно знать, заведено ли у вас дело на одну женщину. Её зовут Нина Васильевна Купина.

– А это кто? – нахмурилась Галя.

– Знакомая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.